

Дьявол в ее постели

Автор:

[Керриган Берн](#)

Дьявол в ее постели

Керриган Берн

Дьявол, которого ты знаешь #3Шарм (АСТ)

Человек, известный под прозвищем Дорсетский Дьявол, – самый смелый и хитроумный из джентльменов, выбравших своей профессией Секретную службу британской короне. Он меняет обличья и имена, оставаясь своим и в роскошных бальных залах, и в грязных темных закоулках. Но главная цель – загадочный враг, который не уступает ему умом и по-прежнему остается неуловимым...

В столичном свете ее знают как любительницу веселья и развлечений, легкомысленную графиню Франческу Кавендиш. Однако в действительности она бесстрашная и безжалостная мстительница, действующая инкогнито, чтобы найти и уничтожить тех, кто безжалостно расправился с ее родными и близкими...

Любовь не входит в планы этих двоих, каждый из которых буквально одержим своей миссией. Однако разве сердце подчиняется голосу разума?

Керриган Берн

Дьявол в ее постели

Kerrigan Byrne

The Devil in her Bed

© Kerrigan Byrne, 2021

© Перевод. Н.Л. Холмогорова, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Глава 1

Поместье Мон-Клэр,

Гэмпшир, 1872 год

День, когда Пиппа Харгрейв стала графиней Мон-Клэр, ничем не отличался от остальных до тех пор, пока не началась кровавая бойня.

Услышав, что сегодня близнецы Кавендиш раньше обычного закончили занятия в классной комнате, Пиппа стремглав бросилась через все поместье к себе домой. Она знала, что ее друзья выбегут на лужайку и ринутся напрямиком к лабиринту.

Она ворвалась на кухню, и Чарлз Харгрейв, ее отец, поднял глаза от тарелки с куриным салатом.

– Что такое, маленькая? – Весело прищурившись, он приподнялся с места и ласково нажал пальцем в перчатке на кончик ее носа. – Куда так спешишь?

Высокая стройная цыганка, стоявшая у очага рядом с Хетти, матью Пиппы, добавила в горшок ароматных трав.

– Ты, Пип, и на белый свет явилась второпях! – В устах Сирейны с ее странным выговором (карпатский акцент, так называла его Хетти) домашнее прозвище Пиппы звучало необычно и тепло. – Неудивительно, что ты бегом бежишь по жизни!

Пиппе рассказывали, что своим появлением на свет она обязана Сирейне. Больше десяти лет папа и мама пытались зачать ребенка – все безуспешно. Но Сирейна дала Хетти какое-то снадобье – и через девять месяцев на свет появилась Пиппа.

Ее отец, дворецкий в поместье Мон-Клэр, одиннадцатью годами старше Хетти, был в том возрасте, когда большинство мужчин становятся уже не отцами, а дедами. Дочь он обожал, ни в чем не ограничивал и, кажется, смотрел на нее как на чудесный, незаслуженный подарок.

– Я ищу Деклана Чандлера! – торопливо сообщила Пиппа. Ей не терпелось выбежать на улицу и продолжить поиски.

– Когда я шла сюда, то, кажется, видела, как он чистил фонтан, – едва заметно подмигнув, подсказала Сирейна.

– О нет! Я должна ему помочь! – драматически всплеснув руками, воскликнула Пиппа. – Он ненавидит чистить фонтан! Он его боится. Только не признается, потому что Деклан такой храбрый! – И со вздохом прикрыла глаза, отдавая должное мужеству Деклана.

– Наша дочурка от него без ума! – проворковала Хетти и погладила Пиппу по щеке, прежде чем передать Сирейне поварешку.

Пиппа наморщила нос. «Без чего?»

– У этого Деклана Чандлера душа тигра, – заметила Сирейна. – А у тебя, Пип, душа дракона.

– Драконов не бывает! – хихикнув, сообщила Пиппа.

– Неужели? – подмигнув, ответила Сирейна. – Мне случалось бывать в таких местах, где с тобой бы не согласились.

– Пап, у тебя есть мятные конфетки? – спросила Пиппа, потянувшись к пальто отца.

Мятные конфетки были любимым лакомством Деклана. После чистки фонтана он всегда бывал бледным и хмурым, а сладости помогали ему приободриться и вызывали улыбку, от которой в животе у Пиппы начинали порхать тысячи бабочек.

– Поищем, поищем... – Чарлз похлопал по одному карману, по другому, и наконец вытащил пригоршню конфет.

Пиппа схватила их, на ходу прикидывая, кому сколько достанется. По одной для Фердинанда, Франчески, для себя... а Деклану – две! Он заслужил.

Чмокнув отца в гладко выбритую щеку, Пиппа вылетела за дверь. Промчалась по узкой аллее, засаженной стройными туями. Каждый шаг сокращал расстояние между ней и мальчишкой, который завладел ее сердцем.

Несколько лет назад, впервые входя в ворота Мон-Клэр, Деклан Чандлер был тощим заморышем, ростом не выше Пиппы. Угрюмым, голодным, замерзшим волчонком.

Ел он за троих – и за эти годы сильно вымахал в длину, раздался в плечах, но остался на удивление стройным.

В последнее время Пиппа потеряла интерес к учебникам, которые одалживала ей Франческа. В часы учебы она витала в облаках, думая о Деклане Чандлере. Вот и сегодня добрую половину учебного часа грызла карандаш и пыталась найти слова, точнее всего описывающие ее чувства.

«Удар молнии». Да, это, пожалуй, точнее всего! Деклан поразил ее, как удар молнии.

Рысью пробежав мимо роскошных утопающих в цветах садов, она углубилась в зеленый лабиринт со скоростью зайца, преследуемого охотниками, пролетела по дороге, которую знала как свои пять пальцев...

Она вылетела на лужайку с фонтаном как раз вовремя, чтобы застать сцену, от которой едва не разорвалось сердце.

Деклан стоял перед фонтаном на коленях. Блестящие капли воды падали ему на руки, стекали по смуглой коже, задерживаясь в ложбинках совсем недавно появившихся мускулов.

Он напоминал сейчас юного героя, потомка мощных древних богов, чьи мраморные статуи высились по обеим сторонам от фонтана.

А рядом стояла Франческа Кавендиш и протягивала ему мятную конфетку.

Деклан взял конфетку губами. Улыбнулся («Почему ей? Почему не мне?!») так, что сияние этой улыбки едва не затмило полуденное солнце. Сказал что-то, чего Пиппа не расслышала. Подняв руку, осторожно заправил Франческе за ушко выбившуюся прядь огненных волос. А затем поцеловал костяшки ее пальцев с почтением, выходящим далеко за пределы обычного уважения слуги к юной хозяйке дома. С восхищением, уже не невинным...

Заинтересованным.

Безмятежно журчал фонтан. Из рогов сатиров, из уст и корзинок разных богов и богинь извергались прозрачные струи, преломлялись в солнечном свете маленькими радугами и, рассыпаясь сияющими брызгами, падали наземь.

Сердце у Пиппы сжалось так, словно на целую минуту вовсе перестало биться. Ладони покрылись холодным потом. В горле пересохло, живот налился свинцом. Деклан в свои тринадцать казался Пиппе образцом мужской красоты. Теперь она перевела взгляд на Франческу, пытаясь понять, что увидел Деклан в ее подруге. Личико сердечком, тонкие аккуратные черты, точеный носик. Очень стройная – даже для девочки на пороге взросления – и более изящная, чем ждешь от ребенка. Ярко-рыжие волосы, выразительные глаза цвета моря в ненастный день. Скорее серые, но с отсветами зелени и голубизны.

А Пиппа? Скучные белобрысые волосы, круглое лицо – признак детства и хорошего аппетита. Мама говорит, что ее красота в изумрудно-зеленых глазах. Тех, что теперь горели невыплаканными слезами, и горло сжималось от боли, не дающей ни вздохнуть, ни сглотнуть.

Неужто Деклан – ее Деклан – в самом деле влюблен во Франческу Кавендиш, ее лучшую подругу?

Как это возможно? Неужели судьба так к ней жестока? Может ли в целом свете найтись что-то страшнее этой раздирающей боли?

Нет, ответила себе Пиппа. Ничего ужаснее этой муки нет и быть не может.

Как же он не понимает? Ведь они, Деклан и Пиппа, предназначены друг для друга!

Франческа не подходила близко к фонтану – боялась замочить свои изящные туфельки; а Пиппа не раз стояла здесь на коленях бок-о-бок с Декланом, погружая руки по локоть в грязь, чтобы помочь ему скорее закончить работу и пойти играть. Если Деклан мрачнел, Пиппа запускала в него комком сырого мха – и они принимались бросаться друг в друга грязью, смеясь и визжа от восторга, беззаботные и счастливые.

Франческа ни за что не станет бросаться грязью! Ей и нельзя – она ведь будущая леди.

А вот Пиппе не нужно становиться леди. Она станет женщиной. Его женщиной, Деклана. Так она решила давным-давно – и так и будет, что бы там ни говорили родители! Не бывает, просто не бывает на свете, чтобы такая любовь осталась безответной и ненужной!

Боги фонтана этого не допустят...

Но допустили! Вот они, Деклан и Франческа – не сводят друг с друга глаз.

– К нам скачут какие-то всадники! – крикнул Фердинанд, брат-близнец Франчески, со своего дозорного поста на верхушке старого ясеня по ту сторону

лабиринта.

Мама рассказывала Пиппе, что Фердинанд родился слабым и долго не мог нормально дышать. И сейчас он борется с какой-то болезнью под названием астма, по- этому под его бледной кожей просвечивают вены, а губы часто синеют.

И все же Фердинанд – отличный парень! Братьев у Пиппы не было, и он стал ей кем-то вроде брата – товарищем, с которым так здорово отправляться в разные приключения. Однажды он сказал Пиппе: «Когда вырасту, сделаю тебя графиней».

Пиппа от души понадеялась, что это не значило: «Я на тебе женюсь».

Замуж она выйдет, разумеется, за Деклана Чандлера! Какие могут быть сомнения? Она даже научилась подписываться «миссис Чандлер» – и какая красивая выходила подпись!

– Разве мы ждем гостей? – спросила Франческа.

– Это не гости. Их слишком много. – Фердинанд приставил к глазу кулак на манер подзорной трубы. – Человек двадцать!

– Невежливо являться без приглашения, да еще и такой толпой! – очаровательно поджав губки, заметила Франческа. – Миссис Харгрейв не успеет даже бутерброды приготовить на всех.

Переведя взгляд с Франчески на Деклана, Пиппа заметила, что его красивое лицо с резкими, угловатыми чертами омрачилось тревогой.

– Пожалуй, вам с Пип лучше пойти сообщить мистеру и миссис Харгрейв, – сказал он, протянув руку и помогая Франческе перелезть через невысокое ограждение вокруг фонтана. – Им виднее, что делать.

– А я побегу этим гостям навстречу! – объявил Фердинанд. Он уже слез с дерева и трусцой направлялся к воротам.

– Не надо, милорд! – Деклан выпустил руку Франчески, подмигнул Пиппе, а затем побежал за будущим графом Мон-Клэр. – Мы же не знаем, кто они!

Несмотря на жгучую боль в сердце, Пиппа взяла Франческу за руку, и они вдвоем направились к дому.

Франческа ни в чем не виновата, думала Пиппа. Она такая милая! Всегда думает о других, старается сделать как лучше. Вежливая, милая. Настоящая леди. У нее есть все, чего нет у Пиппы.

Но если это нужно Деклану...

Несколько минут они бежали молча, и наконец Пиппа не удержалась от вопроса:

– Ты... ты влюблена в мистера Чандлера?

– Что? – Франческа рассмеялась – словно колокольчик прозвенел в чистом весеннем воздухе.

– А он, кажется, тебя любит, – пробормотала Пиппа себе под нос.

– Ну... может быть, немножко. Он такой красивый, правда? – Франческа крепче сжала ее руку. – Но не беспокойся, я с ним связываться не собираюсь!

– Почему это? – Как ни смешно, Пиппа почувствовала необходимость защитить Деклана. – Чем он тебе нехорош?

Франческа замедлила шаг, заставив притормозить и Пиппу, повернулась и взглянула ей в глаза:

– Потому что я люблю тебя, Пип. И никогда тебя не предаю.

Пиппа бросилась к ней и сжала в объятиях.

– Я тоже тебя люблю! – со вздохом облегчения выдохнула она.

– И потом, папа не позволит мне выйти замуж ни за кого, чей статус ниже виконта, – со вздохом добавила Франческа. Джордж Кавендиш, граф Мон-Клэр, к вопросам родовитости и чистоты крови относился очень серьезно.

Пиппа взглянула на Франческу через плечо. Девочки уже выбежали на открытый склон холма, на вершине которого стоял особняк; отсюда были хорошо видны незваные гости. Вон они, скачут галопом, низко пригнувшись над гривами лошадей – все в темном, лица неразличимы...

Или закрыты масками?

Фердинанд, приветственно махая руками, бежал им навстречу. Всего в нескольких ярдах от всадников остановился, закашлялся и, как видно, слишком устал и решил подождать на месте.

Не замедляя шага, всадники мчались прямо на него. Тяжело, безжалостно ударялись о землю и вздымали облачка пыли конские копыта. Все ближе, ближе...

Что?! Нет! Не могут же они...

Словно оцепенев, Пиппа ждала, когда же всадники остановятся.

Вот сейчас!.. Вот-вот!.. Ведь Фердинанд прямо перед ними! Неужели они не видят? Уже совсем...

А в следующий миг с криком отвернулась и зажмурила глаза, не в силах поверить в то, чему только что стала свидетельницей.

Они его убили!.. Оцепенение и неверие сменилось парализующим ужасом. Эти незнакомцы растоптали Фердинанда – и даже не замедлили шаг!

Значит, они с Франческой следующие.

– Бежим! – выдохнула Пиппа, схватив Франческу за руку и устремившись к дому. – Не оглядывайся! – Она не хотела, чтобы подруга видела этот кошмар – изломанное, растоптанное тело брата.

Сама Пиппа успела это увидеть – и знала, что никогда не забудет.

Промчавшись по траве, они влетели в открытые двери кухни в тот самый миг, когда бандиты в черных масках, разделившись на четыре группы, принялись окружать особняк со всех сторон.

– Фердинанд!.. – отчаянно закричала Пиппа, когда мать подхватила их с Франческой в объятия. – Они... там... на лошадях!

Рыдания сжимали ей горло; невозможно было ни говорить, ни даже дышать. Немыслимо. Невыносимо. Что происходит? Кто мог сотворить такое зверство?

– Отдышись и расскажи, что случилось, – ласковым, успокаивающим тоном ответила Хетти. – Сирейна куда-то вышла, а твой отец пошел посмотреть, что происходит. Все лакеи с ним, так что...

В этот миг входная дверь распахнулась, ударившись о стену; со звоном вылетело вставленное в нее стекло. Несколько бандитов с закрытыми лицами ввалились внутрь.

– Тут только баба и девчонки! – объявил один, с красным шарфом вместо маски. Говорил он с густым выговором кокни.

– Нам приказано свидетелей не оставлять, – откликнулся другой, покрупнее и с американским акцентом. Похоже, он был здесь главным.

Выхватив из-за пояса нож – крупнее, чем нож мясника! – бандит двинулся к ним. По пути отшвырнул, словно соломинку, массивный стол.

Хетти толкнула обеих девочек себе за спину, схватила со стойки тесак для рубки мяса.

– Не трогайте детей! – крикнула она, наставив на него тесак, словно указующий перст. – Мы ничего не видели. Мы тихо уйдем, и вы никогда больше о нас не услышите. Только не трогайте девочек!

– Беда в том, – протянул из-под холщовой маски американец, – что эта девчонка нам и нужна!

И указал своим лезвием на Франческу. Та в ужасе взвизгнула; из-под пышной юбки потекла и забрызгала туфельки струйка мочи.

Отчаянным рывком Хетти толкнула обеих девочек прочь от себя, через порог двери, ведущей в людскую.

– Бегите из дома! Делайте что угодно, только постарайтесь выжить! – С этими словами она захлопнула за ними дверь и задвинула засов.

Теперь Пиппа спасалась не только от убийц: она бежала от яростных, звериных криков матери, борющейся за жизнь дочери, и от душераздирающего вопля, подсказавшего ей, что Хетти проиграла бой.

Слезы застилали ей глаза, когда Пиппа, спотыкаясь и едва не падая, карабкалась вверх по черной лестнице. Дверь на первом этаже вела в маленькую комнатку: здесь стояла печь, обогревавшая весь дом. Деклан показывал, как попасть отсюда в сарай для угля, а оттуда выбраться наружу. Скорее всего, этот путь свободен. Если удастся выбраться из дома – дальше, если повезет, они смогут незамеченными перебежать поле и спрятаться в лесу.

Там будет легче скрыться. Дети из поместья Мон-Клэр все свое детство провели в лесу: бродили по нехоженным тропинкам, прятались меж исполинских корней, лазили на деревья, представляя себя героями увлекательных историй.

Первый этаж встретил их воплями и запахом крови. Пиппа бежала вперед, крепко, до боли, сжимая в руке потную ладонь Франчески.

В мозгу и в сердце бились, горели, пронзали невыносимой болью и придавали сил последние слова матери: «Бегите из дома. Делайте что угодно. Только постарайтесь выжить. Что угодно. Что угодно. Выжить. Выжить. Выжить...»

Что-то дернуло Франческу прочь с такой силой, что Пиппа, сжимавшая ее руку, едва удержалась на ногах. Обернувшись, она увидела, что американец в белой ковбойской шляпе приставил к горлу ее лучшей подруги нож.

Белое, как простыня, лицо. Огромные, распахнутые ужасом серые глаза. Франческа Кавендиш – последний живой человек, знавших Пиппу Харгрейв...

И последнее ее слово перед тем, как полоснул по горлу нож. Сдавленным шепотом:

– Беги!

А затем – душераздирающий визг, быстро захлебнувшийся кровью. И бесконечные, безжалостные, ввинчивающиеся в уши крики, ругательства убийц, вопли умирающих. Звуки страха и смерти, гулко разносящиеся по просторным холлам особняка Мон-Клэр.

Неужели никто не остановит их? И эти бандиты, наводнившие особняк, словно муравьиные полчища, не уйдут, пока все и вся не обглодают до костей?

«Бежать! – думала Пиппа. – Бежать!» Быстрее, пока эти адские вопли не оглушили ее и не свели с ума! Повернувшись на каблуках, она бросилась в сторону топочной, но далеко убежать не сумела: путь ей преградил еще один бандит в маске.

– Хватай мелкую! – приказал американец.

Пиппа метнулась в сторону, нырнула в узкий черный коридор. Он вывел ее в главный холл, облицованный мрамором.

Она бежала по залам, коридорам и переходам, натыкалась на двери, перепрыгивала и огибала тела людей, которых знала всю жизнь. Повсюду преследовали ее крики ужаса и боли. Слезы застилали зрение, и Пиппа была благодарна за это: соленый туман сглаживал страшные раны, изуродованные тела, искаженные болью лица близких.

Кто-то схватил ее за косичку и рванул с такой силой, что Пиппа едва удержалась на ногах.

Это был не американец – другой бандит, поменьше ростом, но с таким же огромным и страшным ножом. Ухмыльнувшись, он дернул Пиппу к себе и занес

нож высоко над головой, целя ей в грудь.

Но в этот миг пронзительный крик ярости разорвал воздух. Из соседнего кабинета вылетел Деклан Чандлер и с размаху ударил убийцу кочергой по голове. Тот упал, словно подрубленное дерево, но Деклан не остановился: бил снова и снова, с безумной яростью, с черными от гнева глазами – и лишь после пятого удара, когда голова убийцы превратилась в кровавое месиво, бросил кочергу и сжал Пиппу в объятиях.

Рыдания рвались из ее груди; но Деклан зажал ей рот рукой – и слезы, словно по волшебству, стихли. Торопливо Деклан повел, почти потащил Пиппу в библиотеку Мон-Клэров – двухэтажную сокровищницу, хранящую столько книг, что и не сосчитать.

Не успела она ни воспротивиться, ни даже спросить, что он делает, как Деклан подтолкнул ее к огромному камину, в котором свободно могло бы поселиться небольшое семейство.

– Тихо! – прошептал он, прижав палец к губам. – Если они нас услышат, убьют, поняла?

Она кивнула, и он отнял ладонь от ее губ. Взял за обе руки – и только сейчас с ужасом заметил россыпь кровавых капель и пятен у нее на руках и на белоснежных рукавах.

– Пип, ты ранена?

Она молча помотала головой, не в силах объяснить, что случилось.

– Тогда что это? – настойчиво спросил он. – Чья кровь?

Франчески.

– Не... не моя, – только и смогла вымолвить она.

Из соседнего холла донесся гулкий топот сапог по мраморному полу и грубые голоса. Убийцы шли по пятам.

– Сюда! – прошептал Деклан и втокнул ее в каминную трубу, а сам полез следом.

Вдвоем, тесно прижавшись друг к другу, они втиснулись в широкий цилиндрический дымоход, полный сажи и копоти. На миг Пиппа испугалась, что выбраться отсюда уже не сможет. Каменные стены давили ей на плечи, на спину, шерстяные платье и чулки кололи тело.

Деклан обхватил ее ногами так, чтобы Пиппе было на что облокотиться, и обнял одной рукой, а другой оперся о стенку дымохода.

От усталости и пережитого ужаса у Пиппы горело в груди, боль разрывала легкие так, что девочка едва могла дышать. В полной темноте дымохода она ничего не видела. Оставалось полагаться лишь на осязание.

И на слух.

Возбужденные голоса снаружи сменились гневными: убийцы обнаружили в холле мертвое тело своего товарища. Пиппа слышала сердитые реплики вполголоса: слов разобрать не могла, но понимала, что сейчас в поисках врага бандиты обыскивают кабинет и библиотеку.

Вот они приблизились к камину. От страха у Пиппы подкосились ноги.

Словно ощутив ее слабость, Деклан привлек Пиппу к себе, положил ее голову себе на грудь. Он тоже дрожал всем телом: от страха или от напряжения, требовавшегося, чтобы удерживать на ногах ее и себя – этого Пиппа не знала.

Сердце его стучало отчаянным стаккато, изгоняя прочь все иные звуки. Вместе с Декланом Пиппа затаила дыхание.

И не слышала, не чувствовала больше ничего, кроме биения его сердца, в унисон со своим.

Быть может, она потеряла все; но Деклан остался с ней. Ее любимый. Спаситель. Она всегда знала, что он силен и благороден, словно сказочный герой!

А теперь узнают и все остальные.

Потому что он ее спасет.

Пиппа не знала, сколько прошло времени – минуты или часы. Но, когда убийцы двинулись дальше, и в библиотеке воцарилось тревожное молчание, Деклан приблизил губы к ее уху.

– Фердинанд... – хриплым от горя голосом прошептал он. – Ты их видела? Видела, что они...

Пиппа кивнула. Перед глазами у нее стояло мальчишеское тело, изломанное, истоптанное конскими копытами.

– А Франческа? Она... выжила?

Отчаяние сжало ей горло. Несколько раз Пиппа пыталась ответить, но лишь глотала сдавленные рыдания.

Однако ответа не требовалось. Дрожь и прерывистое дыхание Деклана подсказали ей: он все понял.

– А где... где мой папа?

Пиппа сама понимала, что глупо надеяться. Папа никогда бы их не бросил. Даже ради спасения собственной жизни.

Деклан долго не отвечал, а когда заговорил, в голосе его дрожали непролитые слезы:

– Твой отец... он... его закололи первым. Очень быстро. Я... прости. Он приказал мне найти тебя.

Острое горе поразило ее, словно нож под ребра – вторая рана рядом с первой, совсем свежей, от гибели матери.

- Значит, я теперь сирота? – тихо спросила Пиппа, и по щекам ее – ему на грудь – потекли слезы.

- Сирота.

- Как ты?

Он обнял ее крепче, уткнулся лицом ей в волосы.

- Нет. У меня все по-другому.

- Почему?

- Потому что... потому что, Пип, я не терял добрых, любящих родителей... таких, как твои.

Она подняла голову, смахнула слезы тыльной стороной ладони.

- Я всегда знала, что твои родители не любили тебя.

В трубе было темно, но Пиппа почувствовала, что он пристально смотрит ей в лицо.

- Я о них никогда ничего не рассказывал.

- Верно. Но когда ты пришел к нам, все время грустил. И потом тоже... Эта грусть до сих пор не ушла – и теперь, наверное, не уйдет никогда.

Он прикрыл глаза; на длинных темных ресницах блеснули слезы.

- Пип... Верно, такое горе не забывается. Но... – Вдруг он оборвал себя, напрягся. Несколько раз резко втянул в себя воздух. – Чувствуешь запах?

Она осторожно принюхалась. Что-то горит!

Оба вместе опустили взгляды вниз, на сухой и холодный камин. В лучах света плыли и тянулись вверх струйки дыма.

- Черт! - выругался Деклан. - Они подожгли особняк!

- Что? - вскрикнула она. - Зачем?

- Должно быть, чтобы скрыть свое преступление. Сжечь тела. - Он осторожно отстранил ее от себя. - Пип, сможешь спуститься сама? Нам надо выбираться отсюда.

Едва Деклан выпустил ее из объятий, Пиппу охватила тревога.

- Не отпускай меня! - воскликнула она, отчаянно вцепившись в него. Почему нельзя вечно оставаться здесь, в темноте и тишине, прижавшись к его груди, слушая биение его сердца? - Почему это произошло? - продолжала она со слезами в голосе.

- Не знаю, Пип, - тихо ответил он. - Знаю одно: надо уходить. Сейчас же. Идем со мной. И, что бы ни случилось, не сдавайся, хорошо?

- Не сдамся, - пообещала она. - Никогда.

Пиппа вцепилась в руку Деклана, и он торопливо повел ее прочь по знакомым с малолетства комнатам - по дому, хранившему столько сокровищ, столько счастливых воспоминаний. Дым клубился в воздухе, струился во всех направлениях; детям приходилось пригибаться все ниже и ниже. Они шли назад, в топочную.

Маленькое тельце Франчески уже исчезло из холла; однако, увидев кровавые пятна на полу, Пиппа рухнула на колени, не в силах сдержать рыданий.

- Идем, Пип! - приказал Деклан, поднимая ее на ноги. - Знаю. Знаю - но надо идти. На это еще будет время. Вся жизнь.

Пиппа с трудом поднялась и, спотыкаясь, побрела за ним. Согнувшись вдвое и глуша кашель сдернутой с какой-то полки тряпкой, переминалась с ноги на

ногу, пока Деклан протиснулся сквозь дверцу углехранилища, убедился, что путь свободен, а затем вновь выбрался наружу и втащил ее за собой.

Оказавшись снаружи, они бросились бежать к лесу. Здесь дым был даже кстати – скрывал их от взоров убийц.

По крайней мере, так думала Пиппа, пока громкий крик за спиной не подсказал, что их заметили.

Выкрикнув несколько ругательств, доселе ей незнакомых, Деклан толкнул Пиппу вперед, под защиту деревьев. А в следующий миг прогремел выстрел, и обоих осыпало щепой и кусками коры.

Пиппа бросилась бежать что есть духу. Легкие горели, ноги, казалось, вот-вот отвалятся – но она бежала.

Новый выстрел испугнул птиц и мелких зверушек лесов Мон-Клэр. Что-то обжигающее больно ударило по ноге – и Пиппа резко упала, ободрав ладони и обе коленки.

Даже вскрикнуть не смогла, не осталось дыхания.

Деклан упал на землю за ее спиной. Позвал Пиппу по имени.

– Нога! – простонала она.

Деклан торопливо ощупал ее ногу – и, услышав его облегченный вздох, она сама испытала облегчение.

– Пип, это просто царапина! – успокоил он ее. – Идти сможешь?

Пиппа кивнула, смахнув со щек горячие слезы. Деклан не знает страха – значит, будет мужественной и она.

Однако, стоило наступить на раненую ногу, та подкосилась, и со стоном боли Пиппа рухнула наземь.

Деклан огляделся. Глаза его расширились и потемнели, когда совсем рядом послышался треск – чужаки, ломая ветки, пробирались через кусты.

– Сюда! – Он потащил Пиппу за собой в неглубокий овраг, толкнул в укрытие под корнями одного из ее любимых деревьев, прикрыл сломанными ветками и другим лесным мусором. – К ноге приложи вот этот лист. Прижми, чтобы сильно не кровило.

– Пойдем со мной, – позвала Пиппа и подвинулась, освобождая место рядом с собой.

– Нет. – Он покачал головой, прислушиваясь к шагам и голосам, что звучали все ближе. – Оставайся здесь. А я их отвлеку.

– Не надо! – Она протянула к нему руки. – Они же тебя схватят!

Он наклонился к ней вплотную и затолкнул ее еще глубже в укрытие. Никогда еще Пиппа не видела у Деклана такого серьезного, пугающего взгляда.

– Здесь ты будешь в безопасности. А мне всегда проще выживать одному. Просто доверься мне.

Никогда и никому Пиппа не верила так, как ему сейчас!

Она поцеловала его в губы. Поцелуй, полный отчаяния, со вкусом соленых слез и пепла.

И прошептала, вложив в эти слова всю душу:

– Я люблю тебя!

Он моргнул пару раз, хотел что-то ответить – но справа, совсем близко, хрустнула ветка под чьей-то ногой.

Деклан бросился бежать.

Преследователи мчались за ним по пятам. Пиппа забилась глубоко под корни и обеими руками зажала себе рот.

Несколько выстрелов заставили ее подпрыгнуть в темноте. Затем по лесу разнесся победный вопль – американец подзывал своих товарищей.

Несколько раз Пиппа хотела выбраться из своего укрытия и бежать к Деклану, рухнуть на его тело и умереть вместе с ним – но боль и ужас приковали ее к земле. Скорчившись под корнями огромного дерева, она содрогалась от беззвучных рыданий.

Вдруг зашуршали, раздвигаясь, сломанные ветки, открывая знакомое смуглое лицо.

Сирейна!

С душераздирающим всхлипом Пиппа бросилась в ее объятия и замерла, уткнувшись сухощавой цыганке в плечо.

– Знаю, – коротко сказала Сирейна, опустив ладонь ей на голову. – Надо бежать. Скорее.

– Но Деклан!.. – прорыдала Пиппа.

– Милая, он не ушел. Ему выстрелили в спину. – И карие глаза Сирейны, в которых отражалось пламя пожара под хмурым небом, блеснули печалью.

Опустошенная, Пиппа позволила женщине взять себя на руки и донести до привязанной неподалеку лошади. Легкие у нее разрывались, пульсировала болью раненая нога – но это было ничто в сравнении с болью в сердце.

Сирейна легко вскинула ее в седло, а затем вспрыгнула туда сама, сев по-мужски. Пиппа сидела безвольно, едва не теряя сознание.

Вдвоем, на спине беспокойного коня, они смотрели, как взвиваются в небеса клубы дыма и языки пламени. Как сгорают дотла ее детство. Все, что знала и любила Пиппа, осталось там, в этом доме. Все горит. Все горят. Ей

вспомнилось, как мать жарила на вертеле индеек и кур: пламя лижет плоть, и та сочится жидкостью и покрывается хрустящей корочкой...

К горлу подступила тошнота.

- Почему? - снова прошептала Пиппа сквозь туман горя и ярости. - Почему выжила только я?

Сирейна крепче сжала ее плечи.

- Быть может... ты и не выжила?

Легкий ветерок зашелестел по кронам деревьев - так голубь, взлетев, неторопливо набирает высоту. В воздухе пахло решением. Пахло судьбой.

- Что, если Пиппа Харгрейв погибла в огне вместе со своими родителями? А выжила только Франческа. Наследница титула и состояния семьи Кавендиш. Та, кто, пережив трагедию, сохранила достаточно средств к существованию.

Пиппа попыталась повернуться и взглянуть на Сирейну; ей показалось, что она ослышалась.

- Но я совсем не похожа на Франческу! Она была такой... изящной.

- Изыщной? Скорее, хрупкой. А ты не слаба, о нет! С того дня, как помогла тебе явиться в этот мир, я знала: у тебя сердце дракона, в котором однажды запылает неугасимый огонь. Лишь одного не могла предвидеть: что этот костер вспыхнет уже сейчас, зажженный такой трагедией. - Глаза Сирейны странно блеснули; она смотрела Пиппе в лицо, и в глубине ее зрачков плясало пламя. - Ты выжила, потому что ужасное преступление, совершенное сегодня, не могло остаться без свидетеля. Потому что твое предназначение - воздать за гибель тех, кого ты любила.

- Но я... я же просто девочка!

Сирейна вздохнула, и ее вздох был наполнен такой грустью, словно за несколько десятков лет прожила добрый десяток жизней.

– Нет, думаю, теперь ты не обычная девочка. И, если решишься, я тебе помогу. Найду тех, кто научит тебя стать женщиной, способной свершить правосудие.

– Не знаю, что такое правосудие, – сквозь слезы прошептала Пиппа.

– А как насчет мести? Тебе понятно, что значит это слово?

Пиппа задумалась. «Мечь». Да, это слово наполнилось для нее незнакомым ранее смыслом: отдалось в ушах раскатом грома, молнией ударило в сердце, обратило океан горя и боли в огненный ад.

Везде. И каждому из убийц, и тем, кто послал их на преступление. Пусть все они сгорят!

И самой страшной смертью умрет тот, кто отнял у нее Деклана Чандлера.

Глава 2

Лондон, 1892 год

Двадцать лет спустя

Леди Франческа Кавендиш с отвращением окинула взглядом голого толстяка, распростершегося поперек кровати.

Нет, этого свидания она просто не переживет! Что за крик поднимется в свете! «С чего бы это молодая, богатая, титулованная женщина связалась с отвратительной старой жабой – лордом Колфаксом? Неужели ей совсем все равно, с кем удовлетворять свою ненасытную похоть?»

Что, если это в самом деле слишком неправдоподобно? И враги догадаются, что здесь что-то не так?

Нахмурившись, Франческа закатила глаза, вытащила из прически еще несколько шпилек и бросила оценивающий взгляд в зеркало в позолоченной раме, висевшее в спальне лорда Колфакса.

Выглядеть она должна как потаскуха после жаркой ночи. Счастливой и довольной. Не такой, как другие бедные женщины – которые, если верить молве, вовсе не довольными уходили из спальни лорда Колфакса!

Лорд прославился как отчаянный бабник, губитель женских застежек и репутаций. Женщин он попросту использовал – если не губил.

Что ж, этот человек заслужил все, что его ждет.

Она поджала губы и устало вздохнула. Чего бы такого сделать со своей внешностью, чтобы ее хитрость выглядела правдоподобно? Золотистый лиф разорван в клочья, смятая юбка шелковым облаком лежит на полу. На одной из подвязок не хватает ленты. Алая фероньерка съехала влево, половины шпилек недостает. Закручивать волосы в узел Франческа так толком и не научилась, так что прическа ее выглядит как полное отсутствие прически.

И все же... что-то не так. Не с платьем или прической – с ней самой.

Франческа тряхнула головой, отбрасывая выбившуюся прядь, пожалала точеными белоснежными плечами. Старик Колфакс, быть может, даже не заметит. Мужчины изумительно умеют не замечать того, что творится у них под носом. Можно скармливать им любую чушь – проглотят и не поморщатся, лишь бы это льстило их самолюбию!

Хотя... не странно ли, что до сих пор ни один ничего не заподозрил?

После секса кожа женщины сияет, словно роса в солнечных лучах. Веки лениво полуприкрыты, глаза светятся мечтательным довольством. Губы зачастую бывают красные и припухшие. Краснеет и кожа вокруг рта, словно ее натерли чем-то жестким – например, мужской щетиной или бородой.

И не только вокруг рта. Иногда и на шее. Или на ключицах.

Или еще ниже.

А у Франчески глаза как изумруд – и не только по цвету. Она очень постаралась придать им выражение безмятежного сытого довольства, даже поморгала, чтобы взгляд затуманился, но...

С массивной кровати раздался храп, от которого звякнули хрустальные подвески на настенных канделябрах.

Она резко обернулась, внимательно рассматривая своего «любовника». Что, если он раньше времени придет в себя? Сердце отчаянно забило, угрожая лишить Франческу самообладания, натренированного годами практики.

Лорд Колфакс был крупнее большинства мужчин, с которыми ей случалось затевать эту игру. Не высокий, но массивный, широкоплечий – и все еще крепкий, несмотря на возраст. Немногим из тех, кому за пятьдесят, удается сохранить силу и мужскую статью; но для члена могущественного преступного сообщества это вполне естественно.

Когда у тебя множество врагов, просто нельзя быть слабым.

Лорд приоткрыл рот, обнажив неровные желтые изъеденные кариесом зубы. Сглотнув омерзение, Франческа прокралась назад, к кровати.

Ни разу еще зеркало не отражало то, что ей нужно! Как ни натирай кожу, как ни кусай губы – ни на лице, ни в глазах не появляется блеск наслаждения, которого она никогда не испытывала. На наслаждение у нее просто нет времени – да и желания, коль уж на то пошло.

Впрочем, с лордом Колфаксом это не страшно. Приглядываться к ней он точно не станет. Такие мужчины думают лишь о собственном удовольствии.

Его несложно будет убедить, что эту ночь они провели вместе в страстных забавах. Почему он ничего не помнит? Да просто был слишком пьян!

Времени осталось немного. Уже иссякает действие отвара из белладонны, сены и еще нескольких экзотических трав, добытых Сирейной в китайском квартале.

От нескольких капель, добавленных в напиток, человека начинает клонить в сон, он расслабляется, и становится легко ему что-то внушить. Достаточно прошептать несколько слов на ухо, чтобы он их запомнил, прежде чем уйдет в небытие.

А затем – пока «любовник» спит, Франческа изучает его секреты.

Документы, способные решить судьбу лорда Колфакса, она уже спрятала за своим корсажем. Подозрения не обманули. Этот жирный мерзавец связан с Кровавым Советом – тайным оккультным обществом, о котором шепчутся в самых темных углах. Цель общества в том, чтобы собрать в своих руках как можно больше власти, денег и влияния – и заставить мир плясать под свою дудку. Исполнять их желания.

А желания становились все более опасными. Члены общества устраивают оргии. Садистские оргии.

И, возможно, речь еще идет о государственной измене.

Зло во плоти – такие способны хладнокровно перерезать глотки детям, убить всех, кого она любила.

Каждая минута жизни, каждое принятое решение приближали ее к цели – найти их.

Старая ненависть ядовитым комом поднялась к горлу, и Франческе пришлось сглотнуть трижды, чтобы прогнать ее едкий вкус.

К резне в поместье Мон-Клэр лорд Колфакс не имел отношения, однако на его совести было немало иных грехов. Он быстро делал карьеру в Кровавом Совете, добавляя к своему влиянию полезные политические знакомства. Подкупая их respectable именем и морем денег.

Пока он спал, одурманенный зельем, Франческа проскользнула к нему в библиотеку, в кабинет, обшарила все шкафы и секретеры.

В кабинете нашла документы, свидетельствующие, что он участвовал в подделке результатов выборов лондонского мэра.

Второй, куда более ценный конверт – тот, что сейчас жег ей грудь под корсажем, – извлекла из шкатулки под кроватью.

Приглашение на мероприятие, что состоится через несколько недель. Подписанное лично лордом-канцлером, запечатанное печатью с изображением трехглавого змея. Франческа давно уже выяснила, что этим символом пользуется только Триада. Трое руководителей Кровавого Совета.

Итак, теперь у нее есть доказательство! И еще она знает, что лорд Кассиус Джерард Рамзи, за которого собралась замуж ее лучшая подруга Сесилия, отсек змею одну из голов, когда арестовал лорда-канцлера.

Осталось две. Теперь нужно действовать быстро, чтобы взамен отрубленной голове не выросла новая.

Рядом с ней пошевелился лорд Колфакс.

Франческа повернулась к нему, приняв позу, которую называла про себя «Клеопатра на отдыхе». Правая нога согнута в колене, стройное белоснежное бедро выставлено напоказ. Левая, со шрамом от пули, скрыта под юбками. Голова опущена на руку, взгляд сонно мерцает из-под ресниц.

Лорд Колфакс снова громко всхрапнул и открыл глаза. Огромной ладонью утер с седеющей бороды ниточку слюны. Поднял глаза – и заметил ее.

– Черт возьми! – хрипло проговорил он, а затем с отвратительным влажным хлюпаньем прочистил горло. – Леди Франческа, вы еще здесь?

Лорд проспал всего несколько часов, но дышал шумно, и у него мерзко несло изо рта.

– Куда же я денусь, милый мой? – проворковала она, одарив его ленивой улыбкой. – Вы совсем меня вымотали. Не знаю, смогу ли теперь ходить!

Лорд недоуменно пошевелил бакенбардами, провел рукой по лбу. Франческа знала, что сейчас ему трудно соображать – мучает головная боль.

Сенна обезвоживает еще сильнее красного вина. А Франческа следила за тем, чтобы ее «жертвы» принимали побольше того и другого – и, проснувшись, даже не пытались получить от нее что-то еще.

– Обычно они уходят, – пробормотал лорд, словно обращаясь к самому себе. – Убегают даже. Иногда в слезах. Вы уверены, что мы...

Приподняв простыню, он взглянул на собственное тело, быстро и умело раздетое Франческой несколько часов назад. Безобразное жирное тело в обвисших складках.

Франческа подавила дрожь отвращения.

– Кто убегает в слезах, милорд? – проворковала она таким сахарным тоном, что у самой зубы свело. – Бедняжки, которым не удалось разделить с вами ложе?

– Да нет, – протянул он, как-то странно на нее глядя. Сквозь туман головной боли и растерянности во взгляде пробивалось подозрение. – Нет, те бедняжки, которым я уделяю... особое внимание.

И окинул острым взглядом ее смятое платье, растрепанные волосы, следы на шее.

– Меня не так легко напугать, – смело ответила Франческа. – Я могу выдержать то, что большинству женщин не под силу.

В каком-то смысле это правда. То, что пришлось выдержать ей, сломало бы многих других.

– Так я вас... не напугал? – уточнил он. – И не причинил боли?

– Вовсе нет! – И она игриво провела пальцем по его груди.

– Жаль, очень жаль! – В водянисто-голубых глазах лорда читалось неподдельное разочарование. – Я, право, удивлен, что вы остались всем довольны!

Выходит, он был так возбужден от желания сделать ей больно! Франческа снова вспоминала, как он схватил ее в охапку, потащил наверх, но, едва добрался до постели, как подействовало ее снадобье. Так вот что он ей готовил!

Сердце Франчески, и без того холодное, оледенело. И затвердело. Тверже камня, тверже стали. Быть может, тверже алмаза. Еще одна капля невинности и доброты – немного их осталось! – рухнула в черную пустоту. Но на лице не отразилось ничего.

– Что ж, милорд, – промолвила она ледяным тоном, – вы не получили, чего хотели – зато я получила то, за чем пришла! – И спрыгнула с кровати прежде, чем он успел ее остановить.

– Что за чушь вы несете? – воскликнул он.

Франческа выскользнула из спальни, не проронив ни слова.

Преследуемая гневным ревом Колфакса, она слетела по широкой мраморной лестнице и выбежала в ночь. В бледном лунном свете безошибочно нашла дорогу через сад и выскользнула через калитку на улицу, где ждала карета с человеком Сирейны Айвенгом, он сидел на козлах.

Франческа помахала ему рукой, он приподнял шляпу в ответ.

Сев в карету, Франческа вытащила из-за корсажа документы и развернула, часто, взволнованно дыша.

Теперь она знает, где найти других руководителей Кровавого Совета. Сможет коснуться любого из них. Потанцевать с ним. Соблазнить.

А затем уничтожить.

Руки у нее дрожали. Наконец-то началась большая игра! Пришло время решений. Время секретов – даже от тех, кто любит ее больше всего на свете.

Особенно от них. Не стоит им в это ввязываться – ради их же безопасности.

Ибо те, кто объявляет войну Кровавому Совету, нечасто остаются в живых.

Глава 3

Одержимость.

Не раз Дорсетский Дьявол использовал это чувство как оружие, но никогда не поддавался ему сам. Слишком часто видел, как оно ставит на колени самых могущественных мужчин, в порыве страсти позабывших обо всем на свете.

Шпиону Секретной службы Ее Величества, уже продавшему душу за секреты и кровавые тайны, забываться нельзя. Ни на секунду.

И все же сейчас он сидел, скрючившись в три погибели, на балконе Сент-Джеймского дворца и наблюдал через окно, как Франческа Кавендиш, графиня Мон-Клэр, расстегивает пуговицы на лифе. С каждым движением, изящным и решительным, углублялось ее декольте – и улетучивалось его самообладание. А когда блуза соскользнула, обнажив стройные белоснежные плечи, – его пульс участился, отзываясь на нахлынувшее возбуждение.

Она не носит корсета. Как вызывающе! Впрочем, корсет здесь и не требуется, – мысленно добавил он, жадно рассматривая грудь, покрытую мелкими веснушками, пока шелковая нижняя сорочка не закрыла всю красоту. Она же худенькая, как мальчишка. Ни унции жира. Под простой, без выточек и кружев, тонкой тканью просвечивают маленькие крепкие груди; даже отсюда видно, как затвердели от холода крохотные соски.

Черт, можно подумать, он никогда не видел женщину в нижнем белье!

Разумеется, видел. Множество. И союзниц, и противниц. Иногда даже возлюбленных. Впрочем, большинство соблазненных им женщин оставались лишь зарубками в памяти.

И не было среди них ни одной столь же опасной, как графиня Мон-Клэр.

Дорсетский Дьявол следовал за леди Франческой от Свифтон-стрит и к концу пути запыхался – непривычное ощущение. Обычно он мог вломиться в лавку, взбежать по лестнице на четвертый этаж, выбраться в окно, подтянуться на руках, ухватившись за край крыши, пробежать еще квартал по крышам, все это под полуденным солнцем – и даже не вспотеть. Но сейчас, поднявшись бегом на второй этаж и спрятавшись на балконе, по-настоящему задыхался – и, кажется, вовсе не от усталости.

Балкон предоставлял неограниченную возможность полюбоваться графиней через большое окно примерочной у модистки в доме напротив. Она зашла сюда вместе с двумя подругами, но других двоих он почти не замечал.

Лишь Франческа Кавендиш, как дерзкая преступница, сумела вышибить из него дух и похитить самообладание.

Самопровозглашенные Рыжие проказницы – три рыжеволосые красотки, любящие опасные приключения и занятия, которые принято считать «мужскими».

Леди Александра Атертон, синий чулок, дама-археолог, недавно ставшая герцогиней Редмейн, пожалуй, могла бы считаться самой красивой из этого трио. Но ее волосы были не рыжие, а скорее цвета красного дерева, и лицо слишком идеальным, чтобы по-настоящему заинтриговать.

Пухленькая мисс Сесилия Тиг недавно стала невестой верховного судьи лорда Кассиуса Джерарда Рамзи, пламенного и бескомпромиссного служителя закона. Так что, хоть эта чувственная дамочка с земляничными губами и прославилась как гениальный математик, а теперь еще и как самая успешная лондонская предпринимательница, в ее уме стоит усомниться. Для всего света могучий шотландец Рамзи может выглядеть суровым и безупречным, но на деле он вовсе не таков!

По крайней мере, там, где в дело замешана мисс Тиг.

Так что, несмотря на их связь с его недавними расследованиями, ни леди Александра, ни леди Сесилия более не представляют для Короны и Секретной

службы никакого интереса. Следить за ними незачем.

Он просто хотел еще раз увидеть ее.

Графиню Мон-Клэр.

Просто удостовериться, что он ее не выдумал.

Джентльмен, увидев, как юбка дамы падает к ногам, поспешно отведет взгляд. Уж точно не станет исходить слюной при виде длинных стройных ног и проклинать бесформенные панталоны, которые, когда она нагибается и помогает швее собрать одежду, скрывают самое интересное!

Но Дорсетский Дьявол – не джентльмен. Собственно говоря, подглядывать – его профессия. В спальне и в темном переулке он одинаково опасен. На светском приеме он может привлечь к себе все взгляды и вертеть слушателями, как захочет, по своему желанию вызывая в них любые чувства и страсти – а может убить человека посреди комнаты, полной гостей, так, что никто даже не запомнит его лица.

Он призрак. Хамелеон. Человек-тень, чье единственное призвание в жизни – внушать трепет, но оставаться невидимым.

Вот и сейчас он использует эту способность. От женщин его отделяют лишь два стекла и узенький переулок – но летнее солнце, играющее на крышах, слепит глаза, и, если женщины взглянут в его сторону, ничего не увидят.

Франческа тоже чем-то похожа на призрака. После пожара в поместье Мон-Клэр ее считали погибшей. Но она восстала из пепла где-то на континенте: как рассказывали, надышалась дымом и несколько дней провела без сознания. История гласила, что из горящего особняка ее спасла какая-то цыганка, и девочка пришла в себя уже в сельской больнице в нескольких графствах от родного дома.

Об этом чудесном спасении Дорсетский Дьявол узнал вместе со всем Лондоном. Дальше Франческа получила образование в какой-то женевской школе, обзавелась там парой рыжеволосых подруг – и к двадцати пяти годам вместе

с ними объездила полсвета.

Прищурившись, наблюдал он за тем, как Франческа отказывается от чая, пунша, шампанского и выбирает крепкий скотч. Рядом на кушетке лежала тульей вниз сброшенная соломенная шляпка. Непокрытые волосы, убранные наверх, сияли рубиновыми отсветами и обнажали долгий нежный изгиб лебединой шеи.

Рыжие проказницы... лучше и не придумаешь!

За несколько недолгих месяцев в Лондоне графиня Мон-Клэр обзавелась самой громкой и недоброй славой из всех троих. В свете только и говорили о том, что она переспала с половиной богатых и знатных лондонских холостяков – и почти все они женаты!

Дорсетский Дьявол сжал кулаки. Он был один – и мог себе позволить выразить внутреннее смятение в жесте.

Ему хотелось сломать каждый палец, осквернивший ее своим прикосновением. Вырвать каждый язык, познавший ее вкус. Расчленив каждого, кто посмел проникнуть внутрь этой женщины!

Нет, пора остановиться! Это не просто воздержание – это уже одержимость!

Неправильно. И опасно.

Но он знал: остановиться уже не сможет.

Поначалу возвращение графини Мон-Клэр в Англию не произвело никакого шума. Помолвка, а затем свадьба герцога и герцогини Редмейн, еще несколько приемов и ужинов – везде она держалась скромно и не обращала на себя особого внимания. По крайней мере, по сравнению с двумя другими Рыжими проказницами.

Как ей удалось собрать такую коллекцию из мужчин? Настоящее чудо! И зачем? Вот это загадка.

Рассказы о ее любовных похождениях различались не меньше самих любовников. Одни уверяли, что она была нежна, как голубка, ворковала и таяла от их умелых прикосновений. Другие – что резва и игрива, как котенок, что мурлыкала от удовольствия, когда они возносили ее до небес. Но еще больше мужчин клялись, что в постели она – львица. Пламенная и страстная, вакханка и охотница. Что крики ее громки, а голод ненасытен.

Что все это значит? Неужели ее вкусы и таланты так же разнообразны, как его собственные?

Боги, как же ему не терпится это выяснить!

Скорчившись на своем наблюдательном посту, Дорсетский Дьявол смотрел на графиню через окно так жадно, словно вот-вот лишится зрения.

Чего она так жаждет? Отчего стала так распутна? Быть может, во тьму ее толкнули боль и горе – и влажной, напряженной, пульсирующей плотью она пытается заполнить пустоту, оставленную насилием? Быть может, твердое мужское естество и мягкие губы помогают хоть ненадолго забыть о том, чего она лишилась?

Неужели они с ней настолько похожи?

Он должен выяснить.

Ибо ее возвращение не только взволновало лондонский свет, но и всколыхнуло тени. Имя Франчески Кавендиш произносят в проклятиях и молитвах. Что знает она о трагедии своей семьи? Станет ли что-то предпринимать?

Кто она: соблазнительная распутница или сирена, зачаровывающая своих жертв?

Дорсетский Дьявол поклялся узнать правду. Хотя бы для того, чтобы избавиться от наваждения.

Глава 4

Франческа кожей чувствовала устремленный на нее взгляд – словно за спиной стоял призрак. Или демон. Шея заныла от напряжения, по телу побежали мурашки. Тянуло оглянуться к окну. Она удерживалась, противясь инстинкту; наконец не выдержала, резко повернула голову – но не увидела за стеклом ничего, кроме ярко светящего прямо в глаза солнца.

На минуту ослепнув, Франческа поморгала и повернулась к подругам. Обе раздевались для примерки платьев: сегодня вечером им всем предстояло праздновать помолвку Сесилии Тиг.

– Знаешь, кто для женщины главный враг? – таким вопросом Франческа начала разговор, который ей не терпелось завести с самого утра.

Сесилия – она снимала чулок – замерла и подняла голову.

– Если верить тебе, видимо, мужчина. Так?

– Готовность подчиняться, – озабоченно нахмурившись, поправила Франческа. – Сесил! – Она называла подругу мужским именем: так, как все три привыкли обращаться друг к другу в школе Шардонне для юных леди на Женевском озере, где состоялось их знакомство, и началась дружба длиною в жизнь. – Ты самая добрая душа во вселенной, и мне тревожно за тебя. Что, если этот шотландец затопчет твое нежное сердце своими амбициями? Ты абсолютно уверена, что стоит так поспешно вступать с ним в брак?

Сесилия сняла чулок до конца, аккуратно скатала и отложила в сторону, а затем принялась методично отстегивать второй.

– Я тебя слышу, Фрэнк, и меня трогает твоя забота, но Рамзи вовсе не так деспотичен, как ты думаешь. Он не требует от меня подчинения – лишь понимания. А я с радостью даю ему это.

– Да, но...

– Я же не хрупкая фиалка! – Сесилия выпрямилась во весь рост. Даже в корсете и панталонах она напоминала широкоплечую валькирию: красивая, сильная и готовая убить любого, кто осмелится встать у нее на пути! Вот только скромно опущенные ресницы и румянец на щеках противоречили этой картине. – По крайней мере... теперь.

Пожалуй, этот аргумент звучал бы убедительнее, если бы одежда Сесилии не была ее любимого фиолетового цвета. Впрочем, ничего хрупкого в ней и вправду не было: она, кажется, еще больше округлилась и расцвела после помолвки со своим нареченным лордом, верховным судьей, человеком огромного роста, страстей и appetitов.

– Не все мужчины мерзкие гоблины вроде тех, с какими имеешь дело ты, Фрэнк, – заметила Александра, герцогиня Редмейн, выбирая с большого подноса шоколадные конфетки повкуснее.

Франческа сухо усмехнулась.

– Знаете, во мне нет ненависти к мужчинам. Я их просто...

– Терпеть не можешь? – охотно подсказала Сесилия.

– Презираешь? – нежным голосом вставила Александра.

Франческа закатила глаза.

– ...просто не доверяю им.

– Разумеется, на это есть причины. – Александра подошла к подруге, чтобы поправить спутанные завязки сорочки. – Но замечу, каждую из нас предавали не только мужчины, но и женщины, и мы убедились, что злодейки вдвое более жестоки!

– Верно подмечено! – согласилась Сесилия. – Женщина не менее мужчины способна на героизм, но, осмелюсь сказать, совершенно верно и обратное. Женщина может быть отъявленной злодейкой. – Она повернулась к зеркалу, провела ладонями по чувственным изгибам своего тела. – А теперь позволю себе

напомнить, что обычно, готовясь праздновать помолвку, дамы сплетничают и болтают о милых пустяках, а не о злодеях, заговорах и тайных обществах.

Александра, чьи роскошные локоны цвета осенней листвы в солнечном сиянии горели как пламя, с мягким упреком сжала руку Франчески.

- Мы больше не будем! Верно, Фрэнк?

- Не будем, - нехотя согласилась Франческа.

В этот миг в примерочную влетела модистка вместе с помощницами, и через несколько секунд Сесилия облеклась в белоснежный шелк и кружева.

- Выглядишь как богиня! - улыбнулась Франческа. - А я просто дура. Извини.

Сапфировые глаза Сесилии блеснули доброй улыбкой.

- Вовсе нет. Мне так приятно, что ты беспокоишься обо мне. - Она повернулась к Александре. - Алекс, Рамзи - твой зять. Как считаешь, опасения Франчески оправданы?

- Я не то, что опасаясь этого человека, - вставила Франческа прежде, чем Александра успела ответить. - Просто... ты уверена, что хочешь так скоро выйти замуж? Что сможешь сохранить и мужа, и свой бизнес, который он терпеть не может - что он не заставит тебя выбирать?

Александра опустила глаза и задумчиво поджала безупречные губы.

- Сесил, не будем лицемерить - у тебя есть все возможности тянуть со свадьбой сколько пожелаешь!

Сесилия взглянула на Александру, чья «помолвка» с герцогом Редмейном не продлилась и суток. Перевела взгляд на Франческу, никогда не ночевавшую в постели одного мужчины дважды.

- Вы что, сомневаетесь во мне?

- Что ты, конечно, нет! - всплеснула руками Александра.

- Милая, я не сомневаюсь ни в твоих способностях, ни в разуме, ни в сердце, - уточнила Франческа. - Я - мы - беспокоимся лишь о том, что твои планы обрести счастье в браке и сохранить личную независимость несколько... оптимистичны, только и всего.

- Хочешь сказать, наивны? - надула пухлые губы Сесилия.

- Этого я не говорила.

- Не сказала вслух, - с готовностью поправила Александра.

- Когда это «оптимистичный» и «наивный» успели стать синонимами? - фыркнула Сесилия. - Почему, если женщина надеется на счастье, любовь и исполнение желаний, ее тут же обвиняют в недостатке модного нынче цинизма?

- Я не призываю тебя становиться циничной, - возразила Франческа. - Просто... будь осторожна. Не спеши. Вспомни эти несколько месяцев: сначала у тебя обнаружилась богатая тетушка, владелица самого успешного игорного дома в Лондоне, знакомая с половиной темных тайн высшего света. Потом в тебя стреляли, похищали, тебя предал лучший друг, твой бизнес рухнул... - Перечисляя все эти недавние события, она загибала пальцы. - А потом один из самых суровых, неподкупных и грозных шотландцев в империи стал тебе сначала врагом, а потом женихом...

- Ты забыла сказать, что он еще и один из самых красивых, верных, богатых и благородных! - вставила Сесилия, защищая возлюбленного.

- И ты соглашаешься выйти за него замуж, хотя он по-прежнему не хочет, чтобы ты восстановила свой бизнес...

- ...а еще школу и биржу труда для безработных женщин... - снова добавила Сесилия.

– ...а в деле о том, кто держал связанных девочек у тебя в подвале, еще не все узлы развязаны, простите за каламбур. Я хочу сказать, мы знаем, кто поставлял детей, но так и не узнали, кто их покупал. А теперь еще свадьба! Не слишком ли много всего – и не слишком ли быстро?

Сесилия решительно замотала головой.

– Если честно, для меня слишком мало и слишком медленно!

– Но почему?

– Я люблю Рамзи, – негромко и просто ответила Сесилия. – Хочу стать его женой. И если наша жизнь все еще в опасности, не лучше ли пожениться как можно скорее? Раз я не знаю, что будет завтра, – значит, сегодня я буду жить так, как хочу! Франческа, нам уже под тридцать. Если хотим выйти замуж и завести детей, чего еще ждать?

– Но... – Франческа прикусила язык, чтобы не высказать то, что жгло ей грудь. – Мы же поклялись не выходить замуж!

Так и было: Рыжие проказницы мечтали остаться вместе на всю жизнь. Как три мушкетера. Искать приключения, ввязываться в авантюры – и вместе преодолевать опасную трясину, именуемую жизнью.

А теперь придется все это делать в одиночку.

Александра сочувственно положила голову Франческе на плечо.

– Мы дали обещание, когда были юны, порывисты и страдали каждая от своего горя. С тех пор многое переменялось, верно?

Для них – быть может. Александра нашла себе герцога, готового убивать ее драконов: и реальных, и тех, что приходят в воспоминаниях и снах. Сесилия, как видно, уверена, что нестигаемый шотландец Рамзи предназначен ей судьбой. Она добра и нежна – он тверд и решителен, да к тому же без ума от нее: чем не прекрасная пара?

А что есть у Франчески? Только месть. Единственная цель, к которой она подбирается все ближе – но та снова и снова ускользает.

Жажда мести поглощает всю ее жизнь. Когда ей искать настоящую любовь, если все ее время и силы уходят на выведывание информации под маской поддельной любви?

Допустим, она сумеет отомстить – и выживет. Что дальше? Разумеется, они с Рыжими проказницами по-прежнему лучшие подруги; но теперь у Алекс и Сесил появилась другая, более важная жизнь. Любовь и семья теперь на первом месте, дружба – на втором. И даже для подруги, которая помогала хоронить тела твоих врагов, в сердце остается все меньше места.

От этой мысли Франческа готова была зарыдать – хоть ни за что на свете в этом бы не призналась.

Сесилия вертелась перед зеркалом, поправляя и разглаживая на себе платье. Она была такой счастливой, что Франческе было почти больно смотреть на нее.

– Фрэнк, – заговорила Сесилия, – а после того, как все это закончится... как ты думаешь, ты когда-нибудь выйдешь замуж?

Франческа задумалась. Попыталась вообразить себе картину семейного счастья – и скорчила гримасу. Да, когда-то она мечтала выйти замуж, но... это было раньше. До того, как потеряла Деклана Чандлера.

– Думаю, я не смогу обрести счастье с мужчиной, – ответила она.

– Почему?

– Власти мужа я не вытерплю, а мужчину, который позволяет командовать собой, не смогу ни уважать, ни желать. – И пожала плечами, словно удивляясь противоречивости собственной натуры.

Сесилия рассмеялась.

– Значит, нужен мужчина, которому хватит сил тебе перечить!

– И мудрости, чтобы понять, где лучше уступить, – задумчиво добавила Александра.

– Где бы еще такого взять? – заключила Франческа и рассмеялась вместе с подругами.

Вновь явилась модистка с армией помощниц, которые принялись примерять, подкалывать и подшивать – и стало не до разговоров.

Для сегодняшнего бала Франческа заказала себе серо-зеленое платье с готическими черными кружевами на манжетах и по низкому вырезу. Сидело отлично; более того, в этом платье у Франчески образовалась вполне женственная фигура, с выпуклостями во всех нужных местах. Поэтому она и обращалась к услугам мадам Жаклин Дюпри – и еще потому, что мадам никогда не отказывалась специально для Франчески снабжать наряды удобными потайными карманами для ножа, пистолета, сонных зелий и прочих вещей, которые ей нужно было спрятать.

За платьем для бала по случаю помолвки последовал еще более роскошный наряд для свадьбы... возне с нарядами не было конца.

Франческа не находила себе места; не отпускало ощущение, что кто-то сверлит ее взглядом. Наконец она с облегчением подписала счета, отдала шляпу и коробки с покупками лакеям, чуть торопливее обычного допила скотч – и снова покосилась на окно в обрамлении изящно раздвинутых штор.

Этот солнечный свет как-то... Что? Наблюдает за ней? Подглядывает? Или ей просто мерещится бог знает что? Франческу бросило в жар, но вовсе не от жары на улице, необычной для конца лета. Как будто ее коснулся взгляд чужака. Проник сквозь все слои искусного притворства, сквозь кожу, плоть – в самую глубину, в холодную одинокую тьму ее сердца.

Ощущение, как будто незнакомец читает ее дневник. Но с чего вдруг? Что это значит?

Обеспокоенная, она окинула взглядом шумную улицу от перекрестка со Стрэндом до ясного, безоблачного горизонта. Все как обычно. Никого

подозрительного не было внизу, никто не смотрел на нее из окон. Повсюду люди, идут по своим делам – в такой жаркий денек грех не пройтись пешком – и среди этой толпы лондонцев она ничем не выделяется.

Отчего же летнее тепло словно призывает ее скинуть всю одежду, всю маскировку и подставить нагую плоть солнечным лучам?

Быть может, этот город сводит ее с ума.

Отражение солнца в окне напротив вновь ударило в глаза, и, моргнув, Франческа повернулась к Сесилии. Та раскрыла солнечный зонт и придвинулась ближе к подруге; на лице читалось нескрываемое беспокойство.

– Ты ведь не собираешься... как бы сказать... ты не уйдешь с моего вечера вместе с лордом Бренданом?

– Разумеется, с ним и уйду. Я чувствую, что подбираюсь все ближе к разгадке! Возможно, именно у него есть информация, которая мне нужна!

Александра подошла к ней с другой стороны, поправляя второпях приколотую шляпку. Несмотря на свое богатство и положение в обществе, на примерках Рыжие проказницы часто обходились без обслуги и сами помогали друг другу, чтобы иметь возможность говорить свободно, вдали от чужих ушей.

– Фрэнк... то, чем ты занимаешься с этими мужчинами, небезопасно. Что, если кто-то из них тебя обидит? Причинит тебе вред?

– Ты прекрасно знаешь: скорее людям с дурными замыслами нужно меня бояться, чем наоборот! – Франческа подмигнула и похлопала себя по карману, где прятался маленький пистолет. О ноже в высоком ботинке и еще одном в рукаве напоминать не приходилось.

– Разумеется, мы в курсе, что ты умеешь за себя постоять. – Там, где их могли подслушать, Сесилия предпочитала выражаться двусмысленно. – Но... ну, не знаю... как бы это сказать...

– Что сказать?

Александра и Сесилия переглянулись, и герцогиня Редмейн подхватила тему:

– Видишь ли, уже пошли слухи, что...

– Что я изголодавшаяся по сексу старая дева, готовая прыгнуть в постель к кому угодно?

Александра густо порозовела и поспешно оглянулась, проверяя, не слышит ли кто.

– Ну... гмм... да.

Франческа беззаботно пожала плечами.

– А мне что за дело до того, что они болтают? Сплетни не отнимут у меня ни титул, ни состояние. А признание в свете ничего не значит, и доброе имя тоже – для мести оно бесполезно.

Прежде, чем кто-то из ее подруг успел ответить, случилось неожиданное: лакей, нагруженный коробками и свертками, столкнулся с каким-то прохожим, и платья, шляпки, безделушки – все, в вихре разноцветной бумаги и лент, посыпалось на землю.

Пожилой толстяк с гнилыми зубами и седыми лохмами волос, торчащими из-под видавшего виды кепи, потеряв равновесие, упал и теперь сидел на земле посреди вороха сорочек и прочего белья, хлопая руками, словно перепуганная чайка крыльями.

Айвен, слуга Франчески, бросился к незнакомцу, на ходу осыпая его самыми крепкими словечками.

– Успокойся, Айвен! Лучше поможем этому бедняге встать, – приказала Франческа. Подойдя, она коснулась правого плеча незнакомца, а Айвен неохотно взял за левое. – Что случилось? С вами все хорошо, сэр? Может быть, нужен врач? – От привычки со страшной скоростью выпаливать вопрос за вопросом она так и не избавилась.

Поднять толстяка на ноги оказалось нелегко: он был на удивление тяжел, да к тому же, кажется, совсем им не помогал. Под ладонью Франческа ощущала несколько слоев плотной ткани. С чего он закутался в такую жару? Должно быть, из-за этих многослойных одежек кажется толще, чем есть. Рост незнакомца определить сложно: он согнулся почти вдвое, и на спине под пальто ясно виднелся горб – при виде его у самой Франчески от сострадания заныла спина.

– Ничаво, ничаво! – протянул старик, с немалым трудом поднимаясь на ноги. Отряхнул пальто и брюки – при этом в воздух взметнулось, кажется, куда больше пыли, чем можно собрать, упав на улице. – Все ревматизм этот поганый! Милочка, не подадите мне трость – вон она лежит?

И ткнул в сторону трости пальцем с длинным грязным ногтем. Франческа заметила на его руках грязные перчатки с обрезанными пальцами. Об их происхождении даже думать не хотелось.

– Разумеется. – Она нагнулась, подняла трость и протянула старику, стараясь к нему не прикасаться. – Вы уверены, что не поранились?

– Ранено только мое достоинство! – смущенно ответил он, приняв трость и не принужденно наступив на вылетевшее из коробки белье.

Франческа очень постаралась не поморщиться.

– Моя Милдред вечно мне твердит: смотри, куда идешь, старый пень! Здоровый ты, грит, как слон, и такой же близорукий! Вот что она говорит, ежели хотите знать. – Тут он наклонился, разглядывая лежащие на земле панталоны, выпачканные в земле и с отпечатком его подбитого гвоздями ботинка. – Ух ты, чаво это тут у нас?

Он присел, подобрал шелковую вещичку и рассмотрел ее со всех сторон. Затем потянул за край платья, почти полностью вытащил из коробки, также внимательно осмотрел – и перевел прищуренный взгляд детектива на Франческу.

– Фу-ты-ну-ты, да вы шикарная дамочка! И куда-то собрались, верно? Сразу догадался!

«Не нужно быть великим сыщиком», – подумала Франческа.

– Да, на бал. Если смогу отчистить платье, – ответила она, изо всех сил сохраняя вежливый тон, и потянулась за своим платьем. Стоило оно целое состояние – и еще столько же будет стоить чистка. А сегодня придется надеть что-нибудь другое.

Вокруг начала собираться толпа; одинокие прохожие и гуляющие парочки останавливались посмотреть, что происходит.

Другая женщина, пожалуй, сгорела бы со стыда; но Франческа от подобных эмоций давно избавилась.

Старик широко ухмыльнулся, показав три обломанных и почернелых зуба и пустоту между ними. Франческа поспешно отвела взгляд.

– Не переживайте, милочка, вы в любом наряде будете первой красоткой на этом вашем... погодите-ка! Я вас знаю?

– Вряд ли нас представляли друг другу. – И, пока Александра, Сесилия и лакеи собирали коробки, она начала потихоньку отступать к экипажу.

Старик шутливо погрозил ей грязным пальцем.

– Может, вы знаменитость какая, а? И я вас в газетах видал?

– Вряд ли. Я...

– Ах вот оно! – Его лицо осветилось узнаванием. – Вспомнил! Вы та пропащая графиня, верно? Из Мон-Клэра? – Он в восторге хлопнул себя по бедру. – Ну надо же! Приду домой – непременно расскажу моей Милдред, что встретил на улице особу королевских кровей!

– Вовсе не королевских...

– А как уж мне за это влетит, ежели хотите знать! Настоящий бригадный генерал, моя Милдред, вот она кто – умеет распекать! Я перед ней на цыпочках хожу, Боже ее благослови!

Сесилия за спиной у Франчески – она помогала лакеям складывать вещи в экипаж – невольно фыркнула.

– Что ж, сэр, – Франческа достала из сумочки монету, – примите это, пожалуйста, вместе с моими извинениями, и передайте в подарок Милдред.

Кто был виноват в столкновении, она так и не поняла, но хотела поскорее покончить с этой историей.

– Ох, как вы ко мне добры, миледи! Уж больно добры! – Он схватил монету и принялся с почти оскорбительной пристальностью ее рассматривать.

– Вовсе нет, – промурлыкала она. – Что ж, всего вам доброго, мистер...

– Тэтч, мистер Эдвард Тэтч. – И с поразительной быстротой он схватил ее за руку в перчатке и прижал костяшки пальцев к губам.

– Мистер Тэтч. – Франческа терпеливо снесла поцелуй, продлившийся, на ее взгляд, значительно дольше необходимого, и убрала руку.

– Хорошо вам повеселиться на балу, миледи! – пожелал он, приподнимая кепи.

– Благодарю вас. – Франческа отстранила лакея, который хотел помочь ей подняться в экипаж, жестом послала его на козлы к кучеру и поставила ногу на первую ступеньку.

В этот миг за спиной у нее раздался хриплый шепот мистера Тэтча:

– Мертвецы не болтливы, милочка. Но следите за тенями – в них могут таиться призраки, которым известны все ваши секреты!

Холодная дрожь пронзила Франческу. Мгновение она не могла ни шевельнуться, ни вздохнуть; затем стремительно обернулась.

– Что вы ска...

На улице кипела жизнь, но мистер Тэтч вместе со своим ревматизмом исчез, будто его и не было.

Глава 5

Как ни тер и ни скреб себя Дорсетский Дьявол, не мог стереть отпечатки Франчески Кавендиш. Ни с носа. Ни с рук. Ни с губ.

Не потому, что плохо старался! Вбежав в свою квартиру в Найтсбридже, он первым делом приказал приготовить ванну. Сорвал с себя все тряпки, сбросил парик и накладной нос, счистил черную краску с зубов – и с наслаждением погрузился в горячую воду.

Она всего-то-навсего взяла его за плечо – сквозь десять слоев материи! А он всего-то-навсего поцеловал ее руку в перчатке.

Но избавиться от нее не мог. Боже, она теперь повсюду! Атакует все органы чувств.

Обоняние. Даже сейчас он ощущает ее аромат. Не духи, нет – нечто более мягкое и более честное: свежий запах чистого белья с чуть заметными цитрусовыми нотками. И привычные городские запахи отступают перед этим благоуханием.

Слух. Серебристый голос, словно сплетенный из лунных лучей, чистый и звонкий, с легкой иронией, которую редко слышишь от женщины. И, конечно, осязание! Хоть и не скажешь, что ему многое удалось потрогать.

Она помогла ему встать – нелегкая задача, он ведь, должно быть, весит вдвое больше ее; но Франческа справилась. Тоненькая, как тростинка – и такая сильная!

А какова она на вкус?

Этот вопрос пробудил в нем такое желание, такой неудержимый голод, что пришлось дважды сглотнуть слюну.

Дорсетский Дьявол провел скользкими намыленными пальцами по груди, провел руками по ребрам и опустил руки под воду. Одна мысль о Франческе заставляла все его тело пульсировать от вожделения.

Франческа Кавендиш.

Они встретились не в первый раз. Формально представились друг другу несколько месяцев назад, на вечере у герцога Редмейна. Тогда он тоже поцеловал ее руку – и встреча губ с эластичной кожей перчатки поразила его, словно электрический удар. Настолько, что он почти забыл о самообладании – и о своей задаче в тот момент.

Почти.

На этот раз он подготовился к встрече. По крайней мере, так думал. Заранее постарался себя убедить, что в этой женщине нет ничего особенного. Ни одного из тех качеств, что обычно приписывают соблазнительницам. Никаких чувственных округлостей – руки и ноги длинные и тонкие. Ни кокетства, ни робости, ни готовности покориться мужчине. Напротив, эта дама до скандальности прямолинейна! У нее широкая улыбка, острый подбородок, оценивающий взгляд. Говорит твердо и убежденно. Очень, очень уверена в себе.

Ни один мужчина, описывая идеальную любовницу, не станет изображать ее такой.

И все же... эта женщина с необыкновенной легкостью прыгает из постели в постель, и все наперебой стремятся отведать ее, словно лакомое блюдо.

От этой мысли кровь вскипела и с новой силой ударила в голову, словно... в гневе? В ревности?

Руки Дорсетского Дьявола непроизвольно сжались в кулаки.

Франческа Кавендиш была опасна. Кто бы мог подумать?

Когда они встретились в прошлый раз, он был итальянским графом. Винченцо де Флор, граф Армедиано. Черноволосый, прокопченный жарким южным солнцем, самоуверенный и безрассудный, даже слишком – вылитый потомок римских гладиаторов и богов! Тогда он расследовал связи лорда Рамзи, нынешнего нареченного Сесилии, с Кровавым Советом.

Позже выяснилось, что злодеем оказался не Рамзи, а его начальник, лорд-канцлер.

В тот вечер «Винченцо» был настоящим дьяволом. Откровенно флиртовал с Сесилией, доводил Рамзи до белого каления. И наслаждался бы собой – если бы не она. В той же комнате, всего в нескольких шагах. Дышит с ним одним воздухом. Все силы уходили на то, чтобы не оборачиваться, услышав за спиной ее смех – звонкий, откровенный, совершенно неженственный, от которого по спине бежали мурашки удовольствия.

Несколько раз он ловил на себе ее взгляд. Да, Франческа смотрела на него. И как смотрела!

Словно она – солнце. Почувствовала айсберг внутри него – замерзшую глыбу изо льда, пепла и теней. Она знала, как хочет он оказаться в ее лучах, как жаждет почувствовать тепло.

Странное ощущение – ведь говорили, что – при всей пылкости в постели – сердце графини Мон-Клэр было холоднее льда.

Он изо всех сил пытался вернуть себе привычное холодное самообладание, но тщетно. Его сердце полыхало адским огнем, который разожгла Франческа.

Это невозможно забыть... Как подозрение, что, возможно, она не та, за кого себя выдает.

И единственный способ выяснить – раздеть ее и осмотреть каждый дюйм стройного белоснежного тела.

Словно подстегнутый этой мыслью, Дорсетский Дьявол встал, вышел из ванны и, сдернув с вешалки полотенце, начал вытираться.

Итак, кем стать для нее? Кого она пожелает? Кого подпустит к себе?

Не зря говорят: дьявол в деталях.

Мысленно он пробежался по списку мужчин, которых молва называла ее любовниками. Последний из них – лорд Колфакс.

От одной мысли об этом жирном старом борове, взгроздившемся на тоненькую Франческу, к горлу подступила едкая тошнота.

Что должен сделать мужчина, чтобы ее соблазнить?

Когда несколько недель назад она ушла с обеда в «Савое» под руку с Теренсом Фолсомом, это никого не удивило: Фолсом – беззаботный вертопрах с изящными манерами и обаятельной улыбкой.

Следующий любовник, Джордж Рэндл, вызвал в свете недоумение и усмешки: этого толстяка красавцем не назовешь. Однако он остроумен и богат – этим и привлекает как зрелых дам, так и юных дебютанток.

Когда же о ночи с Франческой рассказал граф Генри Блэнкеншип, этому дегенерату и развратнику просто никто не поверил. Но каково же было изумление света, когда он обменялся впечатлениями с Перси Мортонем, о котором все шепчутся, что он извращенец и предпочитает мужчин!

Чем дальше, тем список любовников Франчески становился причудливее и разнообразнее.

Есть над чем подумать! Она задала ему нелегкую задачу.

Как соблазнить женщину с непредсказуемыми вкусами? Очевидно, у нее нет любимого типа внешности. Она не отдает предпочтение молодым или старым, смуглым или белокожим.

Не все из этой разношерстной компании – титулованные особы. Один, например, служит при дворе. Второй – банкир. Третий – биржевой спекулянт: этот клянется, что разделил Франческу со своим братом-близнецом.

Среди прочих большинство – лорды.

Однако у всех есть кое-что общее. Все эти люди обладают огромным влиянием в своих сферах. Пожалуй, более значительным, чем могли бы обеспечить родовитость или богатство.

Выходит, леди Франческу Кавендиш притягивает власть?

Что ж, тогда ответ найден!

Он остановился перед зеркалом, бросил взгляд на свое крепкое, подтянутое тело. Разумеется, мускулы – далеко не все. Власть не ограничивается грубой силой.

Власть – это самоконтроль. Дисциплина. Богатство. Влияние. Харизма. Умение повелевать собой и другими. Это страх и любовь, зависть и обожание.

Что ж, Дорсетский Дьявол ловко жонглировал всеми этими чувствами.

Вопрос в том, на какую разновидность власти она клюнет? Какой гранью повернуть к ней это понятие? Что за власть выделит его из толпы?

Снова он взглянул на себя в зеркало, теперь – долгим взглядом в лицо. Ненавистные черты. Волосы, вечно спрятанные под париками. Глаза, преследующие его в ночных кошмарах.

Он ненавидел человека в зеркале – того, кем был когда-то...

И то, что этот человек натворил.

Дорсетский Дьявол тряхнул головой, избавляясь от неприятных мыслей, и вернулся к работе.

Стать кем-то другим не так уж сложно. Конечно, очень помогают парики, накладные носы и усы, но при долгом близком контакте их легко заметить. Истинный секрет в другом – в мелочах. В положении челюсти, складке губ, форме и движениях бровей, очертаниях щек. Неуловимые движения мышц лица способны создать совершенно нового человека с неузнаваемым лицом. Походка, жесты, выговор, тон и громкость голоса довершают дело. Мы узнаем знакомых не только по лицу – по тому, как они стоят или сидят, по звуку голоса, по движениям. По ощущению энергии, исходящей от человека – или по ее отсутствию.

Что же предпочтет графиня?

Суровый, плотно сжатый рот? Или добродушную улыбку? Того, кто получил власть по наследству? Высокородного лорда – гордого расфуфыренного индюка? Или того, кто добился власти сам? Кто борется за власть и наслаждается ею? Ловкого политика? Высокопоставленного чиновника? Быть может, королевского судью? Осторожного, пронырливого, хитрого... нет, пожалуй, даже коварного?

Хмм... юрист может сыпать вопросами, не вызывая подозрений – это ему на руку. С другой стороны, лорд может больше выпить...

Это решило дело. Он потянулся за рыжим париком и пудрой. Многомесячный загар, приобретенный для роли итальянца, еще не сошел – а новая роль требовала бледной кожи.

Уже опуская руку в пудреницу, он вдруг заметил, что забыл избавиться от ногтей. Руки остались руками Эдварда Тэтча, бедняка из Ист-Энда с языком без костей и чутким слухом.

Аккуратно снимая накладные ногти, он снова поймал себя на том, что смотрит в зеркало. На этот раз себе в глаза. Хотел бы он научиться менять цвет глаз, как и все остальное! Но они всегда оставались теми же – карими, с зелеными и золотыми крапинками. Единственная его подлинная примета, по которой его все еще можно узнать. Глаза, которыми смотрит на мир Дорсетский Дьявол.

Он научился безупречно менять облик. Может стать кем угодно. Или никем.

Лишь глаза всегда остаются неизменны.

И, глядя себе в глаза, он вновь слышит шепот, рождающийся в глубине души, сжимающий сердце, перехватывающий дыхание:

«Кто ты?»

На этот вопрос он всегда отвечает одинаково. «Великий притворщик. Тень. Человек без лица. Того, кем я был, больше нет».

Как и Франческа Кавендиш – благовоспитанной, нежной, добросердечной девочки.

Благовоспитанность и нежность исчезли без следа. Однако к Эдварду Тэтчу она была добра...

Добрые слова. Звонкий серебристый голос. Нежные губы.

Если бы этим губам сомкнуться на его...

Тьфу, черт! Он поскорее отвернулся от зеркала – пока не саданул по нему кулаком.

Дорсетский Дьявол всегда спокоен, собран и холоден, как лед. Где его хваленое самообладание? Надо его вернуть – и поскорее. Обольстить эту дамочку – и раскрыть ее тайну. Ибо он уверен, чертовски уверен – она самозванка. Это не Франческа Кавендиш. У той было пятнышко над левой губой – где оно? Она вообще не похожа на Франческу! Ничего общего с тем, как он ее представлял себе – а за прошедшие годы он навоображал себе немало.

Что ж, если все сложится удачно, уже сегодня он разгадает тайну графини Мон-Клэр!

По счастливой случайности, приглашение на бал к Сесилии получили сразу две его «фальшивые личности», но, как обычно, прийти сможет только один.

Эти двое, по понятным причинам, никогда не возвращаются в одних и тех же кругах.

Графиня Мон-Клэр – не единственный повод посетить это мероприятие.

Сэр Хьюберт, бывший лорд-канцлер, сейчас в тюрьме и дает показания. Он выдал имя сообщника: того, что организовал переправку через игорный дом Сесилии Тиг – разумеется, без ее ведома – похищенных несовершеннолетних девочек.

Лорд Брендан Мерфи. Генерал тайной армии тоже приглашен на вечер к мисс Тиг. И очень кстати.

Будем надеяться, на этом балу Дорсетский Дьявол получит ответы на многие свои вопросы.

Лорд Брендан – ирландец, а Дорсетский Дьявол, напротив, решил стать шотландцем. И маркизом. Повыше Мерфи по иерархической лестнице, но с такой же любовью к порокам и злодеяниям.

В конце концов, где пороки, там и Дьявол. И кому же, как не леди Франческе, это знать?

В своей жизни Дорсетский Дьявол откликался на множество имен. Он выбрал быть никем – тенью с тысячью лиц, призраком во тьме. Тем, по кому никто не будет скучать, когда настанет время ответить за свои грехи.

Но для Франчески Кавендиш он когда-то был Декланом Чандлером. Давным-давно. И только там – в те несколько коротких лет в поместье Мон-Клэр – он был счастлив.

Быть может, она и не та девушка, что много лет назад похитила его мальчишеское сердце. Но, по крайней мере, он соблазнит ее, свою фантазию, прежде, чем разоблачит ложь.

Глава 6

Франческа окинула взглядом бальный зал, а затем подтолкнула локтем лорда верховного судью.

- Хоть на две секунды оторвите взгляд от своей нареченной и покажите мне, кто из них лорд Брендан! - потребовала она.

Кассиус Джерард Рамзи - для друзей просто Рамзи - потер мощный бок в том месте, куда ткнул его острый локоть Франчески.

- Вон тот, - ответил он, кивнув в сторону лорда. - С жиденькой бородкой и в жилете, что не сходится на пузе!

Франческа едва удержалась от того, чтобы не схватить жениха лучшей подруги за руку.

- Да не пяльтесь на него, болван! - прошипела она. - Я и так прекрасно вижу!

Рамзи сморщил нос - мальчишеская гримаса, особенно забавная у такого впечатляющего мужчины. Говоря объективно, Франческа понимала, почему Сесилия от него без ума. Высокий, мощный, словно американская секвойя, с таким же огромным, как он сам, чувством юмора; и мужественное лицо с резкими чертами, и светло-голубые глаза в обрамлении песочных волос смотрятся, пожалуй, не совсем отвратительно. Да его даже можно счесть привлекательным - разумеется, если вам нравятся шотландские варвары.

- Вы все еще на него пялитесь! - сквозь зубы сообщила Франческа, улыбаясь еще шире, на случай, если кто-нибудь посмотрит в их сторону. - Перестаньте, иначе я не смогу нормально с ним заговорить!

- Вы уверены, что хотите ехать с ним? - все с той же гримасой отвращения уточнил Рамзи. - Этот Брендан... - тут он заметно вздрогнул, - ...такой мерзкий тип!

- Милорд, вижу, в Кембридже вы освоили вершины красноречия! - усмехнулась Франческа, но посерьезнела, прочтя на его лице искреннюю заботу.

Ей стало неудобно за сказанное, и она отвела взгляд.

– Со мной все будет хорошо. Как всегда.

– Ну, как скажете. – Он неловко откашлялся. – Сесилия о вас беспокоится, вот и все.

– Сесилия обо всех беспокоится. Это ее самая очаровательная и невыносимая черта.

На это Рамзи понимающе усмехнулся.

– Простите за вопрос, графиня, но как вы надеетесь соблазнить мужчину, предпочитающего совсем молоденьких девиц? Вы ведь не совсем... как бы это сказать...

– Попросту говоря, я высохшая старая дева?

Суровые, резкие черты его осветились улыбкой.

– Я не это имел в виду.

– Не переживайте. У меня свои секреты.

Франческа поставила бокал на поднос проходящего мимо официанта, взяла новый и неторопливо двинулась прочь от Рамзи – в сторону своей цели.

Лорд Брендан Мерфи. Важная шишка в Кровавом Совете – об этом известно и Рамзи, и ей. Оба подозревают, что он имеет какое-то отношение к недавнему скандалу с бизнесом Сесилии. Все, что нужно Франческе – выудить у него доказательства. Любым способом.

В бальную карточку Франчески лорд вписал три вальса; однако при соблазнении половина успеха – в близости. Зрительный контакт. Взгляд из-под ресниц. Лукавая улыбка. И прочая тоскливая рутина.

Стараясь держаться подальше от кружащихся в танце пар, Франческа пробиралась вдоль стены, здороваясь с дуэньями и с дамами, оставшимися без кавалеров.

Сесилия вальсировала с каким-то неуклюжим джентльменом ниже ее дюйма на три. Франческе этот господин был незнаком. Разница в росте, похоже, не смущала ни добродушную Сесилию, ни ее партнера – хотя быстрый взгляд в сторону Рамзи подсказал Франческе, что богатырь-шотландец не слишком доволен направлением взгляда коротышки.

На роскошную грудь подруги.

подавив улыбку, Франческа отпила из бокала и двинулась дальше.

Направляясь к своей добыче, девушка ощутила уже знакомое неприятное чувство: легкий холодок пробежал по позвоночнику, приподнимая волоски на шее. Странное сочетание холода и жара – будто рядом Бог или призрак. Ощущение, вызывающее трепет... и, если честно, страх.

Она повернулась – и, неторопливо отпивая шампанское, окинула внимательным взглядом шумную, многоцветную, кружащуюся в танце толпу гостей.

Вот он! На другом конце зала. неподвижно стоящий мужчина отчетливо выделялся среди кружащихся в танце пар.

Смотрит на нее, не отрываясь, своими глубоко посаженными глазами.

На миг ей почудилось, что в душном зале, переполненном людьми, они остались вдвоем. Она и призрак.

Франческа моргнула несколько раз, желая убедиться, что этот человек – не плод ее воображения или, в самом деле, не привидение.

Нет, он по-прежнему здесь. И смотрит прямо на нее.

Неожиданно для себя Франческа смутилась, однако постаралась принять беззаботный вид и, дождавшись, пока никто не будет загораживать ее от

странного незнакомца, приподняла бокал в знак приветствия. «Я тебя вижу. Знаю, что ты наблюдаешь за мной».

Следующая мысль ее была: «Боже, как я умудрилась раньше его не заметить?!»

Безупречный элегантный наряд странно контрастирует с резким, словно из камня высеченным лицом и властным рисунком бровей. Нос не широкий, скорее прямой и узкий; рот не поддается описанию. Угловатый подбородок. Твердый взгляд.

Что в нем так ее цепляет?

Сила? Крепость? Твердость? Да, незнакомец выглядит на удивление сильным. Хотя он не великан, как Рамзи, не высок и мускулист, как Редмейн: это человек среднего роста, который скорее будет сливаться с толпой, чем возвышаться над ней.

Бледность кожи, безупречно гладкие темно-рыжие волосы и изящество осанки как-то странно противоречат всему остальному. Он выглядит как дикий, совсем недавно прирученный зверь. Может, он спортсмен?

Одним словом, заметив этого человека, от него уже не оторвешь взгляд.

В ответ на ее жест он дернул уголками губ, кивнул – и двинулся вперед.

Так рассекает волны боевой корабль. Он шел твердой уверенной походкой – ни одного лишнего движения: такой силой, такой неосознанной угрозой веяло от него, что люди расступались перед ним – зачарованные и испуганные – и, лишь инстинктивно сделав шаг назад, поднимали глаза, чтобы понять, что заставило их сделать это.

С некоторыми, он, видимо, был знаком – они здоровались, и он, проходя мимо, отвечал им краткими приветствиями.

Но не останавливался. Шел прямо к Франческе.

Нет, этот мужчина не возвышался над остальными, как Рамзи – но это и не требовалось. Все в этом человеке говорило о его господстве. Власти. Первозданной силе.

Франческа ощутила трепет где-то глубоко-глубоко внутри. Это был не страх, нет. Нечто более женственное. Смешно сказать, но на секунду ей захотелось потянуться к нему и замурлыкать. Прodelать все, что она обычно делает, соблазняя мужчин.

Проверить, чьи чары окажутся сильнее.

Франческа поставила бокал, чтобы незнакомец не заметил, как дрожит ее рука.

Этот мужчина способен учуять ее слабость, которая появилась в коленях и распространилась по телу. По всем частям тела.

– Потанцуйте со мной, – приказал он.

Франческа редко повиновалась приказам – и сейчас не собиралась изменять своим правилам. Однако незнакомцу незачем знать, что молчит она сейчас не из упрямства. Это его голос с тягучим шотландским выговором, глубокий и звучный, словно расплавленная сталь, из которой куется смертоносное оружие, лишил ее дара речи.

– Потанцуйте со мной! – судя по тону, этот человек не привык повторять дважды.

Вся сила воли потребовалась Франческе, чтобы принять равнодушный вид.

– Вас нет в моей карточке, сэра.

С этими словами она отвернулась и шагнула в сторону Мерфи, но призрак снова оказался перед ней, словно предвидел ее движение.

– Вы что, переживаете за мужчин из вашей карточки? – протянув руку, он погладил ленту на раструбе бальной перчатки, за которую была заткнута изящная карточка на мелованной бумаге.

- Не особенно. - Боже правый, почему вдруг стало так трудно дышать?

- Тогда забудьте о них, и пойдёмте танцевать.

Как близко он стоит! Слишком близко. Это ощущение нахлынуло на нее океанской волной, угрожая затопить: инстинкты требовали бежать - но Франческа шагнула навстречу опасности.

- Ну и кто же вы такой, настойчивый незнакомец? Уверена, вы знаете, что протокол не позволяет танцевать с человеком, который вам формально не представлен. Вы компрометируете и меня, и себя.

В глазах его мелькнуло что-то темное, порочное, трогаящее каждый нерв; но в следующий миг озорная улыбка скрыла эти тени и почти заставила поверить, что их не было.

- Леди Франческа, давно ли вы начали соблюдать правила?

Туше! Откровенно сказать, и не начинала. Она делает, что хочет и когда хочет - и к черту последствия!

Что ж, пока она проигрывает. Незнакомец знает о ней такие подробности - а она не знает даже его имени! В сущности, Франческа не могла понять, что беспокоит ее сильнее: что этот незнакомец отвлекает от поставленной задачи, что так невежливо приглашает танцевать...

Или - искушение согласиться.

Такое искушение, какого она не испытывала уже много лет.

Подняв глаза на незнакомца, Франческа снова ощутила трепет. Зов приключения. Свободы, которой она никогда себе не позволяла. Когда стремишься к одной-единственной цели, все остальное начинает мешать. До сих пор каждое ее действие, за исключением дружбы с Алекс и Сесил, было просчитано и подчинено единственной цели. Все свои желания Франческа откладывала в долгий ящик, там они покрывались пылью и со временем уходили в небытие.

– Миледи? – Незнакомец протянул руку; в этот миг Франческа поняла вдруг, что все на них смотрят.

Ох уж эти шотландцы! Определенно, в северных горах научились выращивать какой-то особый сорт мужчин. Чувственных и высокомерных. Смелых до наглости.

А у этого еще и улыбка, способная обезоружить самое надежно укрепленное сердце!

Франческа мысленно собралась и удвоила оборону, мысленно окружила свою душу высоким частоколом и для надежности добавила глубокий ров.

Музыканты заиграли «Голубой Дунай»; Франческа взяла незнакомца за руку и вывела его на середину зала.

В танце ей часто случалось вести. Но на этот раз такой возможности не было: сильные руки, сомкнувшиеся на талии, казалось, в любой миг были готовы оторвать ее от земли.

Странное чувство охватило Франческу в этих объятиях. Незнакомец заставил ее подчиниться – но на этот раз она и не хотела лидировать. Он вел ее в безупречном вальсе, и тело откликалось на каждое его движение – уверенно скользило вперед с неведомой прежде грацией. Словно незнакомец, чьи сильные мышцы ощущались и сквозь фрак, наделил ее своей уверенностью и ловкостью.

Но кто же он, черт возьми, такой?

– Я лорд Престон Беллами, маркиз Дрейк.

Франческа заморгала. Неужели она сказала это вслух?

– Я...

– А кто вы – я знаю.

– Но, видимо, недостаточно, разве вы не в курсе, что я терпеть не могу, когда меня перебивают! – Она хотела ответить игриво, но в голосе невольно прозвучало раздражение.

– Прошу простить, – пробормотал он.

В его реакции мелькнуло что-то неожиданное. Неуверенность? Нет, что-то посильнее. Может быть, гнев? Мужчины не любят выслушивать замечания от женщин. Тем более от старых дев. Тем более человек с титулом маркиза от графини.

Но эта внезапная вспышка непонятого чувства тут же сгладилась, сменившись обаятельным выражением интереса и любопытства.

Разумеется, это лишь фасад. Франческа, преуспевшая в актерской игре, без труда распознавала притворство в других. Чего же хочет от нее неустрашимый Дрейк? Незамужняя графиня Мон-Клэр то и дело привлекала внимание искателей богатых невест, титулованных, но без гроша в кармане. Однако гордилась тем, что даже посреди шумной толпы – как сейчас – умела их распознать и отвергнуть.

Но Престон Беллами, маркиз Дрейк, не похож на отчаявшегося голодранца. Он сумел привлечь ее внимание с другого конца зала, когда она даже не смотрела в его сторону. Улыбка его обаятельна и открыта, но глаза темны и таинственны, как ночное небо. У него титул лорда и мускулы кузнеца.

Узнав его имя, она не получила ровным счетом ничего.

– Вы друг лорда Рамзи?

– Как всем известно, у Рамзи нет друзей, – ответил он.

Франческа приподняла бровь.

– Это не ответ.

Казалось, незнакомец не удивился, что ему не удалось уйти от ответа. Повернув голову, он глазами нашел Рамзи в толпе.

– Я бы сказал, лорд Рамзи знает меня лучше всех в этом зале.

Возможно, он говорит правду, вот только от этой правды никакого толка.

– Из какой части Шотландии вы приехали? – Франческа сделала еще одну попытку.

Его ладонь легко скользнула вниз, и по позвоночнику Франчески пробежала дрожь от этой почти неощутимой ласки.

– Из той, где сильным женщинам с огненными волосами поклоняются, как богиням, и почитают их непристойными языческими обрядами.

Это снова не было ответом, а лишь вызывало в уме самые соблазнительные и опасные образы.

Он опасен, этот человек с глазами цвета виски и мха, с обаятельной и порочной улыбкой. Способен принести кучу неприятностей. Нужно уходить, и как можно скорее. Она уже открыла рот, чтобы сообщить, что подвернула ногу, или у нее вдруг разболелась голова, или придумать еще какой-нибудь предлог для бегства... но вместо этого с языка слетело совсем другое:

– И как бы вы описали эти обряды, милорд Дрейк?

Он склонил голову к ее уху.

– Здесь словарь меня подводит.

– И все же попробуйте!

– Темные, – прошептал он. Слова лились с языка густым медом. – Ритмичные. Сплетенные. Влажные. Жаркие...

Франческа смерила его суровым взглядом. Он уверял, что знает ее, но, как видно, и понятия о ней не имеет, если считает, что ее легко соблазнить, шепча непристойности на ушко!

А в том, что его цель – соблазнение, сомневаться не приходилось.

Тугие мышцы внизу судорожно сжались, откликаясь на эту мысль, но Франческа приказала себе не обращать внимания.

Дрейк, верно поняв ее взгляд, выпрямился.

– Эти обряды совершаются под барабанный бой, – серьезно ответил он. – Случается, что весь город – лорды и леди, крестьяне и священник – вместе пляшут вокруг костров. Должно быть, такая женщина, как вы, никогда не видела ничего подобного.

Франческе нравилось развеивать мужские предубеждения.

– Отчего же, видела!

– Вот как? – В глазах снова сверкнул огонек, на этот раз совершенно искренний. – Расскажите!

– В Карпатских горах обитает одно кочевое племя: наполовину они цыгане, наполовину – потомки бродяг и скитальцев со всего континента и даже из-за его пределов. Барабаны у них самые разные: от огромных до крохотных. А таких танцев нигде больше не найти!

Однажды ночью – там, в горах – цыганские барабаны заставили ее забыть о себе и разбудили в ней женщину. И сейчас Франческа снова слышала этот глухой ритмичный бой – в сердце, что так долго противилось искушениям.

Сирейна предупреждала: мужчину, умеющего творить мужскую магию, стоит опасаться. Он – тигр, она – дракон. Противоположности, которые, сойдясь, рано или поздно уничтожат друг друга.

– Так вот где вы пропадали? В Карпатах?

Она моргнула.

- Простите?

- После того, как еще девочкой покинули Англию, - объяснил он. - В свете только и говорят о вашем возвращении в Лондон. Когда оказалось, что вы живы и все эти годы где-то странствовали... это дало повод для самых невероятных предположений.

Что-то подсказало ей: здесь нужно быть осторожнее.

- Несколько лет я провела в школе-пансионе на Женевском озере, там познакомилась с герцогиней Редмейн и с мисс Тиг. После этого мы некоторое время учились в Сорбонне. Но жизнь ученой оказалась не для меня: я хотела повидать мир. Жила в Марокко, Алжире, Санкт-Петербурге, бывала на Дальнем Востоке и в других местах.

- Странно, очень странно!

- Что же тут странного?

- Большинство женщин путешествуют в Париж, Рим, Милан. Может быть, в Нью-Йорк. Если жаждут приключений - в Египет.

- Я не отношусь к большинству женщин! - вздернула подбородок Франческа.

- Нет-нет, категорически не относитесь. - Какая-то странная нотка в его голосе, густом и вязком, как девонширские сливки, заставила ее опустить взгляд. - Позвольте спросить, что привело вас на родину? - спросил он более легким тоном, и Франческа, благодарная за смену темы, ответила:

- Свадьбы.

- В том числе, как я слышал, и ваша собственная?

- О нет! - Ее губы тронула усмешка. - Я замуж не собираюсь.

- Никогда? - Он поднял бровь.

- Боюсь, я норовистая лошадка. И никогда не позволю мужу себя оседлать.

На щеке у него, смягчая резкие черты, проступила ямочка.

- Ездить верхом можно и без седла.

Франческа прикусила язык, удержав рвущийся наружу фривольный ответ.

- объездить меня не удастся никому! - Она с вызовом встретила его взгляд. - И, боюсь, точно не вам.

- Некоторые мужчины любят необъезженных кобылок!

Он склонился к ней и смелым движением прижал ее бедра к своим. Непристойно близко, почти вплотную. Франческа уже думала о его твердости, а теперь сама почувствовала эту твердость сквозь десяток слоев одежды.

- Мне говорили, что ночь с вами дарит несравненное наслаждение, - дерзко прошептал он на ухо.

Все всколыхнулось в ней - и Франческа поспешила замаскировать свои чувства острым комментарием.

- Странно, а я ничего подобного о вас не слышала.

Желая ее наказать - или, быть может, продемонстрировать свою силу, - маркиз Дрейк развернул ее и провел через серию быстрых и сложных па, в конце которой они сошлись еще теснее.

Послышались аплодисменты гостей.

- Это вы, миледи, нашли меня взглядом в толпе, - напомнил он.

– Я вас почувствовала. – Боже, она сейчас проболтается! – Ощутила ваш пристальный взгляд. Вы таращились на меня.

– И какое же чувство я у вас вызвал? – небрежно поинтересовался он. – Холодную дрожь?

Совсем наоборот, хоть она скорее умрет, чем в этом признается!

– Почему вы подошли ко мне?

– Потому что в ваших глазах прочел приглашение.

– Глупости!

Франческа закатила глаза и постаралась отодвинуться от него так далеко, как только позволял танец. Невозможно думать, пока он так близко. Франческа никогда за словом в карман не лезла, но сейчас ясно понимала: в дуэли острот лорд Дрейк выиграет с разгромным счетом.

А она не хочет ему проигрывать. Ни в чем.

– Я хотел понять, кого вы ищете, поэтому и смотрел на вас, – просто объяснил Дрейк.

Франческа на миг остановилась, ощутив, что он впервые говорит с ней искренне.

– Почему вы решили, что я кого-то искала?

– А разве нет?

– Если и так, что вам за дело?

– Франческа, – спросил он, понизив голос, – вы искали меня?

– Едва ли! – Она мотнула головой и фыркнула, постаравшись вложить в этот звук как можно больше насмешки.

Искала его? Что за бред! С чего бы ей искать человека, способного одним вальсом выбить землю у нее из-под ног?

Ни за что! Ей не нужно отвлекаться и развлекаться. Не нужен флирт – настоящий флирт. Она должна помнить о своей задаче.

– Вы слишком фамильярны, лорд Дрейк. Я не давала вам разрешения обращаться ко мне по имени.

– И снова прошу извинить, миледи. – В его голосе не слышалось ни малейшего чувства вины. – Но, может быть, скажете, кого вы искали? Я бы мог помочь.

– Вы не похожи на человека, готового помогать хоть кому-то, кроме себя!

– Тогда позвольте мне вас удивить.

Франческа никогда не раскрывала своих карт. Еще в ранней юности взяла это за правило. Но что, если... хотя бы один раз... попробовать получить информацию, сказав правду?

– Вы, должно быть, слышали о пожаре, в котором погибла вся моя семья.

Лицо его оставалось намеренно бесстрастным, однако в светло-карих глазах мелькнул проблеск интереса.

– Разумеется. Об этом слышали все отсюда до Бразилии.

– Так вот, я пытаюсь выяснить его причины.

– Считаете, это был поджог? – удивленно нахмурился он. – Да, я всегда думал, что такое возможно.

Она бросила на него острый внимательный взгляд, словно в этот миг увидела его по-новому.

– Вот как?

– Я спрашивал себя, как могло случиться, что среди бела дня в пожаре погиб весь дом – и семья, и слуги? Никто не сумел разбить окно, выбраться на улицу? Выглядит неправдоподобно.

– Один человек выжил, – пробормотала она, в этот миг остро ощутив многолетний груз вины.

– Как? – Голос его, до того чистый шелк, впервые прозвучал хрипло. – Как вы спаслись?

– Эта история не для болтовни за танцем, – ответила она. – Но вот что скажу: за долгие годы вы первый человек, которого я не считаю полным идиотом.

– Миледи, да это почти комплимент!

Она снова взглянула на него – на сей раз долгим взглядом, изучая, впитывая, неприкрыто им восхищаясь.

– Так и есть.

Он наклонился к ней, и она ощутила в его дыхании смолистый кедровый аромат с легкой мускусной ноткой.

– Я бы убил за еще один! – страстно прошептал он.

Да неужели? Странно, но, кажется, это не просто фигура речи. В маркизе ощущается нечто опасное. С ног до головы – элегантный лорд, и все же... слишком легко вообразить, как с той же уверенной грацией он прорубает себе путь через толпу врагов.

Франческа ненадолго задумалась, подыскивая какой-нибудь безопасный комплимент.

– Вы... ммм... искусный танцор.

От его победной улыбки что-то затрепетало у нее внутри.

– Я искусен практически во всем.

– Кроме скромности, – сухо ответила она, не желая поддаваться очарованию его самоуверенности.

– Скромность ничего не стоит, – пожал плечами он.

– Вы в самом деле так думаете?

– Конечно. Мужчина есть то, на что он способен. К чему же скрывать свои достижения? Зачем притворяться, что они принадлежат кому-то еще, что ты не заслужил дифирамбов? На мой взгляд, это слабость.

– Любопытно знать, применяете ли вы те же стандарты к женщинам?

Улыбка его поблекла.

– Что вы имеете в виду?

– От нас общество категорически требует скромности – во всех смыслах слова. С одними своими свойствами мы рождаемся, другие вырабатываем тяжким трудом. Но женщина обязана отвергать комплименты. В одежде, в поведении – во всем скромность превыше всего... иначе она погибла.

– Вам нет причин скромничать, – серьезно ответил он. – Особенно со мной. – И, снова развернув ее в танце, повел прочь из центра зала. – Буду только благодарен, если вы отбросите всякую стеснительность и позволите мне узнать все ваши качества!

– Кажется, вы что-то мне предлагаете, милорд Дрейк? – спросила она, едва переводя дыхание.

Глаза его потемнели, стали как будто глубже, онисовые зрачки расширились от наплыва эмоций.

– Верно. Но не руку и сердце. Это непристойное предложение.

Она изумленно ахнула:

- Вы бесстрашный человек, милорд!

- А вы?

- Сплетники уверяют, что да.

- Вот и отлично!

И в следующий миг – Франческа едва поняла, как это вышло – в такт громким звукам музыки он оторвал ее от пола и повлек за собой. Каким-то немыслимым образом, словно нож сквозь масло, они прошли через плотную толпу и в танце вылетели через французские двери во внутренний дворик, в сад, полный гардений, сирени и гортензий, наполнявших прохладный вечер своим ароматом.

Но Франческа не успела насладиться ночной свежестью и безлюдьем. Миг – и она оказалась в тисках: с одной стороны каменная стена дома, с другой – твердое, как камень, тело Дрейка.

Она едва успела вдохнуть, как он ее поцеловал.

Разумеется, целоваться ей случалось и раньше. В последнее время почти каждый вечер: этого требовала ее задача. С помощью поцелуев Франческа получала от мужчин то, что искала. Информацию. Признания. Оружие, которое сможет использовать против них.

Но теперь все по-другому. Как будто это первый поцелуй! Откровенно говоря, так и есть: в первый раз она целуется просто потому, что этого хочет. Еще как хочет!

Особенно сейчас.

С нетерпеливой страстью маркиз раздвинул ее губы своими. Рот – бескомпромиссный, сурово сжатый рот – оказался жарким и на удивление ласковым. Едва язык проскользнул внутрь, Франческу поразила и воспламенила

нежность его прикосновений. Своим телом маркиз плотно прижимал ее к стене, однако поддерживал рукой ее голову, чтобы не оцарапать о каменную стену.

Как объяснить такой жест? Она привыкла думать, что страсть и забота вместе не живут, и каждый встречный мужчина лишь подтверждал это убеждение. Но сейчас... но это...

Что-то невероятное.

Теплыми, шелковистыми прикосновениями его язык исследовал каждый уголок ее рта. Дрейк целовал ее так, словно им уже случилось делить и эту, и куда более интимные ласки. Целовал как любовник, как человек, который уже называл ее своей – и обещает сделать это снова.

Франческа поняла вдруг: она совсем не знает, что делать. Прежде всегда она контролировала поцелуй. Ловко следила за тем, чтобы не допустить нежеланный язык слишком глубоко, а нежеланные руки держать подальше от груди.

Но в его движениях не было ни суетливости, ни спешки. Дыхание опьяняло сладостью, и горячил кровь мужской запах, смешиваясь с запахом цветов.

Вот он повернул голову, уколол ей щеку щетиной, изменил положение губ – и из груди Франчески вырвался тихий бессильный стон. Он вылетел, как вздох, Дрейк вдохнул его и ответил собственным хриплым стоном.

Стоном, что эхом отдался во всех уголках ее тела, отозвался в самых потайных местечках, жаждущих принять его в себя.

Нет, здесь Франческа ничего не могла контролировать! Здесь командовал он. Властно вливал свое желание ей в уста, в чресла, во все тело.

Сила ощущений стала почти невыносима, и Франческа хотела отвернуться – но он скользнул ладонью вверх, нежно взял за подбородок и продолжал целовать ее губы, затуманивая волю, рассудок, все связные мысли в голове.

Да этот человек – настоящий хищник! В мгновение ока опустошил ее сознание и заменил одним-единственным – безоглядным желанием. Она хочет большего. Больше его... больше этого... больше их обоих!

Что это, она сходит с ума?! Или оба они лишились рассудка?

Томно-соблазнительный поцелуй превратился в дикий, варварский. Его руки блуждали по всему ее телу: шее, плечам, ключицам – и оставляли за собой огненные следы. Вот обе ладони легли на грудь, но Франческа этого почти не заметила, захваченная неустанным и жарким вторжением его языка в глубины рта.

И все же прикосновение к груди ее отрезвило. Она вдруг вспомнила, что вместо бального зала почему-то оказалась в саду. Что целуется совсем не с тем, кого собиралась соблазнить. Что он уже оторвался от ее губ и покрывает влажными поцелуями шею, а она бесстыдно обвила его бедро ногой и почему-то не может остановиться!

– Скажите, как вас зовут! – хрипло прошептал он, склоняя голову, чтобы попробовать на вкус бьющуюся на шее жилку.

– Ф-Франческа Кавендиш. – Господи, она и имя свое едва не забыла от прикосновений этих жарких губ!

– Нет, миледи, – пробормотал он. – Скажите, кто вы на самом деле!

Глава 7

Сердце Франчески, разгоряченное ласками и поцелуями, обернулось ледяным камнем и рухнуло куда-то в желудок.

– Для этого вы привели меня сюда? – воскликнула она, готовая его оттолкнуть. Скоро. Сразу, как только снова ощутит в своем теле силу и сможет нормально дышать.

– Ходят слухи, что вы самозванка, – прошептал он ей на ухо. – Я слышал об этом в некоторых темных углах.

– Не сомневаюсь, сэръ, что вы много времени проводите в темных углах, но с какой стати вы верите всему, что там болтают?

– Потому, что я ее знал, – ответил он все так же, полупрошепотом, нежно обводя большим пальцем очертания ее подбородка, словно не обвинял, а признавался в любви. – Давным-давно, еще в детстве, у меня был случай познакомиться с леди Франческой. Она была нежной и кроткой, а вы...

Тут он поразил ее, прижавшись губами к подбородку, который только что ласкал – и поцелуй поглотил его последние слова.

– А я ни то, ни другое? – закончила она так сухо, как только могла, учитывая, что он продолжал умело ласкать ее губами и языком.

Такие разговоры были ей не впервой. Обычно Франческа без труда доказывала, что она графиня: все при ней – образование, воспитание, манеры, наконец, непоколебимая самоуверенность, свойственная знатным.

Или сумасшедшим.

И все же те, кто был знаком с маленькой Франческой, неизбежно задавали ей этот вопрос.

Как нежная, милая, добросердечная малышка выросла... хм... словом, выросла такой? Прямолинейной почти до бесстыдства. Резкой, независимой, обо всем имеющей свое мнение и не стесняющейся его выразить. Хуже того, незамужней!

Хотя, пожалуй, в глазах общества это уже не самый страшный ее грех. Теперь к списку прегрешений добавилось распутство.

И в самом деле: кто, как не распутная женщина, станет терпеть, что ее допрашивают, прижав к стене, да еще и... этим наслаждаться?

– У нее была родинка над губой, – пробормотал Дрейк. – Вот здесь. – И губы его скользнули по уголку ее рта, заставив затрепетать.

– Выцвела, – прошептала Франческа, поворачивая голову навстречу его поцелую.

Он отстранился, но совсем чуть-чуть. Так, что лицо оставалось не в фокусе – можно было разглядеть лишь какую-то одну черту. Разумеется, Франческа взглянула ему в глаза. Говорят, они – зеркало души! Но в этом случае «зеркала» оставались непроницаемы и молчаливы, даже непонятно, какого они цвета.

– По моему опыту, такие пятнышки и отметины с возрастом становятся заметнее, а не изглаживаются, – настаивал он.

– Не помню, чтобы мы с вами были знакомы. – Она положила обе ладони ему на грудь, но отталкивать не стала. Это подождет. – И я не обязана вам доказывать, кто я.

Однако, если она не хочет вызвать подозрений, придется как-то его убедить.

– Доказать очень легко, – ответил он.

– Как же?

Он скользнул ладонями по ее плечам, провел по ребрам. Обхватил за талию. Франческа замерла, как статуя.

– В день нашей встречи Франческа поранилась, – заговорил он, словно припоминая вслух. – Кажется, упала на что-то острое... – И начал неторопливо приподнимать ей юбку. Подол скользнул по лодыжке, затем по голени. – Нет: порезала бедро кухонным ножом. Рана была глубокая, пришлось зашивать. Помню, бедняжка редела так, что во всем восточном крыле было слышно!

Его слова пробудили воспоминания из далекого детства. Франческе было тогда восемь, Пиппе шесть; к графу и графине приехали какие-то важные гости, и девочки воспользовались занятостью взрослых, чтобы пробраться на кухню за сладостями. Что были за гости? Из Шотландии? С детьми? Этого она вспомнить не могла.

Подол скользнул по колену, и это вернуло ее в реальность. Выходит, кое-что она упустила! Шрам Франчески. У нее на теле этого шрама нет.

– Мне говорили, – продолжал он, – что кухарка у Мон-Клэров была разиней...

В этот миг Франческа вскинула колено, целясь в уязвимую плоть между ног.

Никогда еще она не встречала мужчину, способного предвидеть и парировать ее стремительные удары – до сего дня. Лорд Дрейк успел увернуться. Удар, нанесенный со всей силы, пришелся по внутренней стороне бедра – и он лишь слегка поморщился.

Похоже, этот человек, кто бы он ни был, привык иметь дело с болью.

Франческа не дала ему времени ответить: за первым ударом последовал второй, в солнечное сплетение, от которого он должен был согнуться пополам.

Должен был.

Зарывав, маркиз выпустил ее и отшатнулся на пару шагов; но, не считая этого, остался невредимым.

– Миссис Харгрейв была ангелом, слышите, вы, напыщенный индюк! – Франческа сжала кулаки и приняла оборонительную позу, готовая отклонить или принять любой удар.

Если этот человек решит ее поколотить, она пропала. Кулаки у него как молоты; одним ударом он способен перебить ей кости.

– Благодаря этой «разине» я спаслась! – выплюнула она, нашаривая в кармане нож. – Так что не болтайте о ней ерунды, если не хотите остаться без языка!

– Прошу прощения. – Шотландец протянул руку, успокаивая ее, а другой рукой потер ушибленное бедро. – Простите меня. Я забылся.

– Что ж... – Она ожидала чего угодно, только не того, что он начнет извиняться! – Надеюсь, вы запомните это на будущее.

И повернулась, чтобы уйти, но он поймал ее за локоть.

– Графиня... скажите, неужели я безвозвратно все погубил?

– Не понимаю вас. Что погубили?

– Нас.

Франческа только рот открыла от бесстыдства и нелепости этого вопроса.

– А с чего вы взяли, что есть какие-то «мы»? Вы даже не верите, что я – это я!
А вас я вообще не знаю!

– Но только что вы целовали меня...

– Категорически нет! Это вы, сэр, меня целовали! – И она обвиняюще ткнула пальцем ему в грудь.

– Но мне показалось, вы не хотели, чтобы я останавливался. – Голос его сделался глубже, сам он подошел на шаг ближе. – И еще мне показалось, графиня: вы хотели большего, чем поцелуй.

Так и есть! Хотя она скорее умрет, чем в этом признается.

– Если вы думаете, что я подчинюсь вашему извращенному любопытству и позволю осматривать свою ногу, подумайте еще раз! – Она развернулась, взметнув юбки, и двинулась к дверям.

В мгновение ока, непостижимо быстро и бесшумно, он оказался за ее спиной. Сжал руки, словно клещами, прижал спиной к себе, напомнив о своей звериной мощи. Но голос, несмотря на стальную хватку, оставался бархатным.

– Поверьте, мое извращенное любопытство интересуется не столько тем, что у вас на ноге, сколько тем, что между ног. – Эти жаркие, бесстыдные слова, полные нескрываемого желания, согрели ей ухо вместе с его дыханием и раскаленной лавой влились в душу. – Клянусь, миледи, я не брошу ни взгляда

на ваши ноги, если только вы раздвинете их для меня!

Он сжал ее плечи; и в голосе, и в хватке ощущалась едва сдерживаемая страсть.

– Но... с какой стати? – задыхаясь, прошептала она. Для того, чтобы не раздвигать перед ним ноги, имелось множество причин, но сейчас Франческа не могла вспомнить ни одной.

– Мне говорили, что вы любите мужчин. И еще я слышал: войти в вас – почти то же, что попасть на небеса.

– Не верьте всему, о чем болтают.

Этот низкий грудной смешок мог бы принадлежать самому дьяволу.

– Мои грехи так велики, графиня, что от них и черт убежит в испуге. Ночь с вами – быть может, единственный шанс узнать, что я потеряю, отправляясь в ад. – Он раздвинул губами ее волосы, коснулся нежного местечка за ухом. – И я обещаю вознести вас на небеса. Пусть и только на одну ночь.

Внутри у Франчески что-то скрутилось в тугий узел, а самые нежные части тела, напротив, обожгло жидким огнем и ноющей болью. Что ответить? Разумеется, «нет»! К чему ей этот человек? Она ничего о нем не знает, он, судя по всему, не имеет никакого отношения ни к Совету, ни к ее «любовникам»!

Она не понимает, что происходит. И не вправе рисковать собой. Приняв его предложение, она окажется уязвима – и не только потому, что у нее нет этого чертового шрама на бедре! Кстати, как только вернется домой – надо будет организовать себе шрам...

– Свет включать не будем. Ваши тайны останутся при вас, пока вы этого хотите, – продолжал Дрейк, как видно, приняв ее молчание за согласие. – Встретимся после бала. Буду ждать вас в половине первого у лестницы черного хода.

Он отпустил ее так резко, что не столь ловкая женщина пошатнулась бы и, пожалуй, упала. Да и Франческе пришлось опереться о стену и так, тяжело

дыша, следить, как бесстыжий шотландец неторопливо входит в дом.

Франческа схватилась за грудь. Она задыхалась, казалось, сердце вот-вот выпрыгнет из груди. От растерянности, влечения, страха, желания. Боже правый! Впервые в жизни она поняла! До сих пор мужчины казались ей простаками: позволяют водить себя за нос ради удовлетворения какой-то мелкой прихоти! Но теперь она понимала, как тело оказывается сильнее разума. Как потребность преодолевает логику. Как желание заставляет забыть об опасности.

В половине первого у лестницы черного хода...

Франческа до боли прикусила губу, заставляя себя вернуться к реальности, и вошла в дом. Ей срочно требовалось еще выпить.

Из бального зала Чандлер сбежал в тишину восточного крыла. Найдя здесь умывальную, запер дверь, ослабил шейный платок и с наслаждением вдохнул полной грудью.

Черт возьми, ни одна женщина так его не заводила! Кровь кипела от жажды, от предвкушения, какого он не испытывал с тех пор, как, еще мальчишкой, впервые увидел обнаженную женщину.

Графиня Мон-Клэр. Франческа?

И прежде он считал ее красавицей, но в гневе она оказалась просто прекрасна. Глаза сверкают, словно бриллианты, окаймленные изумрудами, бледные щеки вспыхивают румянцем! Зуб мудрости бы отдал, чтобы увидеть, как выглядит ее румянец... ниже. За линией декольте.

Но что заставило ее покраснеть? Влечение? Или чувство вины?

Стоило спросить, кто она на самом деле – и женщина, таявшая в его объятиях, миг обратилась в лед и сталь. И в это мгновение единственным желанием его было вернуть время назад. Оставить роковые слова несказанными, а ее – изнывающей от желания.

Полной соблазна... и, быть может, обмана.

Он по-прежнему не верил ни одному ее слову. Да и не смог бы ее соблазнить, если бы видел в ней настоящую Франческу.

Недоставало не только пятнышка на верхней губе. Эта восхитительная рыжая ведьма ничем не походит на Франческу! Стройная, гибкая, но вовсе не хрупкая и томная. Сильная, смелая, уверенная в себе. Графиня такой быть просто не могла.

Франческу он полюбил за слабость. Чувство вины и ненависть к себе грызли его с самого детства, по бесчисленному множеству причин – а рядом с этим оранжерейным цветком он ощущал себя святым Георгием, рыцарем в сверкающих доспехах, готовым зарубить всех драконов вокруг нее.

Но для самозванки ему никогда не стать святым. Похоть, которую она в нем возбуждает, почти невозможно сдержать.

Рядом с ней он и не станет сдерживаться.

Чандлер взял за края раковины, взглянул в глаза незнакомцу в зеркале. Внимательно, слово за словом, припомнил весь разговор с самозванкой.

Не Франческа, нет – но чувствуется в ней что-то знакомое. Пробуждающее воспоминания о детстве... об общем детстве...

«Годы изменили нас обоих, – прошептал безжалостный внутренний голос. – Что, если она не лжет?»

Нет, не может быть! Как? Ведь Пиппа сказала, что Франческа не выжила!

В миллионный раз он пожалел о том, что Пиппы тоже нет в живых. Что нельзя поговорить с ней. Расспросить. Нырнуть в ее воспоминания.

Сколько потерял мир со смертью этой веселой и бесстрашной девчонки!

Он так старался ее спасти! Сделал все, что мог. За каждую секунду своего жертвоприношения заплатил кровью, ночными кошмарами... в конечном счете – душой.

На воспоминания – это он прекрасно знал – полагаться нельзя. В конце концов, он всю жизнь провел в борьбе с воспоминаниями – и не только о резне в Мон-Клэре.

Для него кошмар начался гораздо раньше.

И часто воспоминания о детстве угрожали утопить его в океане боли, с которой невозможно бороться.

На самом деле дом Мон-Клэров стал для него спасением. По сравнению с тем, откуда он выбрался, и крохотная каморка при кухне казалась королевским дворцом.

Каждая отеческая похвала дворецкого расцветала в его груди. Каждое лакомство от кухарки, каждая чудесная история от цыганки, часто захаживавшей к ним на двор, наполняли омраченное юное сердце новой надеждой. И много позже те несколько лет у Мон-Клэров освещали его жизнь, словно огоньки звезд в безлунную ночь. Крошечные искорки тепла и света... в невообразимой дали.

Еще были там Фердинанд и Пиппа, названные брат и сестра, которых ему так не хватало. Они научили его радоваться. От них Деклан узнал, что такое веселье. Они приняли его как родного в свою ребячью компанию, окружили смехом, шутками, играми и воображаемыми приключениями.

И Франческа...

Мальчишку, пришедшего из жестокого, безжалостного мира, она поразила сиянием доброты. Порой он боялся ее коснуться, словно верил, что прикосновение обычного человека способно запятнать ее чистую, неиспорченную прелесть.

Как могла такая девочка бороться за жизнь и победить? Как могла ее чистая душа обратиться в прах и пепел?

Сердце свинцовой гирей повисло в груди; мысли Деклана вернулись к настоящему.

Нынешняя графиня Мон-Клэр не может быть Франческой Кавендиш.

Он это знает.

Она это знает.

И он, черт побери, выяснит, кто она такая!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bern_kerrigan/d-yavol-v-ee-posteli

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)